Слава. Возрождение

Автор:
Евгений Щепетнов

Слава. Возрождение

Евгений В. Щепетнов

Слава #4

Живой звездный корабль Шаргион, обезумевший от боли во время сражения с вражескими линкорами, перенес Славу и Леру в неизвестную звездную систему, из последних сил спасая свой экипаж.

Это будет захватывающее приключение на планете амазонок – отважных воительниц, обиженных злой судьбой, ведь на триста женщин у них приходится один мужчина… Какова причина такого дисбаланса? Кто виноват в этом? Слава и Лера ведут расследование, путешествуя по миру и попадая в странные, веселые и страшные ситуации. Что их ждет впереди? Смогут ли они вылечить свой поврежденный корабль? Уцелеют ли на чужой планете? Неизвестно. Ясно лишь одно – легко им не будет.

Евгений Щепетнов

Слава. Возрождение

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Слава поднял голову и оглядел сидящих перед ним глав кланов. Они внимательно и настороженно смотрели на него, на Леру и молчали.

Кучка Мудрых женщин, расположившихся в креслах возле стены, как всегда, завесила лица капюшонами, как будто бы происходящее никоим образом их не касалось. Но так ли это на самом деле?

Слава попытался прочитать мысли своих визави – все-таки очень приятно знать, что можешь в любой момент проникнуть в голову собеседника, особенно если ожидаешь от него какой-то пакости, – и словно натолкнулся на стену. Они оказались закрыты. Глава клана Шерекан тоже не любит пускать дело на самотек и предупредила местную Главу о его способностях. Ну что же, этого следовало ожидать – не идиотки же они, эти Мудрые? Совсем не идиотки. Прикрыли своих подопечных.

– Итак, мы выслушали тебя. Честно говоря, я не поняла большей части из того, что ты сказал. – Глава местного клана постучала пальцами по столу и продолжила: – По твоим словам, мы все больны и нас нужно лечить. Как лечить, от чего лечить – непонятно. То, что ты сказал, противоречит нашим верованиям, нашему пониманию мира. И противоречит тому, что говорят наши Мудрые. У тебя есть еще что сказать?

– Есть, – угрюмо кивнул головой Слава. – Я бы хотел тогда услышать версию Мудрых, почему вырождается ваша раса. Потом я отвечу на ваши вопросы, если они будут.

– На все вопросы? – усмехнулась Глава. – И позволишь влезть тебе в голову и прочитать, не врешь ли ты?

– В голову лезть не позволю, но отвечу, и отвечу честно. Обещаю!

– Слав, может, не надо? – шепнула Лера, озабоченно оглядывая пеструю компанию вокруг. – Не надо на все вопросы!

– Чтобы задать правильный вопрос, надо знать семьдесят процентов ответа, – тихо, сквозь зубы, процедил Слава.

– Чего вы там шепчетесь? – подозрительно спросила Глава. – Прекратите переговариваться, а то я подумаю, что вы там заговоры устраиваете! Если есть что сказать, говорите вслух!

– Я и говорю вслух: вы что-то сделали, Мудрые, кроме того, что напялили на себя капюшоны и важно надули щеки? – Слава слегка разозлился. Его бесили молчаливые истуканы в креслах.

Одна из Мудрых откинула капюшон и посмотрела на Славу – это была седая женщина такого возраста, что сразу и не определишь, то ли ей пятьдесят, то ли все сто. Возможно, ее здоровье поддерживали коллеги Мудрые. Похоже, они способны модифицировать тела, отметил Слава, но тогда почему ничего не делается с вырождением расы? Это следовало серьезно обдумать.

– Кто ты такой, чтобы задавать мне такие вопросы? – Лицо женщины было холодно, непроницаемо, от нее веяло стужей, как от Снежной королевы.

– Я – Слава. Она – Лера. Задавать вопросы имею право, точно такое же, как и все остальные в этой комнате. У вас они есть? Тогда не стесняйтесь, задавайте, особенно умные. – Слава уже слегка завелся; Лера под столом взяла его руку в свою и успокаивающе слегка сжала.

– Вы не можете вмешиваться в наши дела! Вы сторонние существа, возвращайтесь туда, откуда прибыли! Улетайте!

– «Улетайте»? О чем вы говорите? – Глава клана удивленно подняла брови. – Кто они такие?

– Закрытая информация! – холодно откликнулась женщина. – Занимайтесь своим делом, а мы будем заниматься своим. Мы против того, чтобы эти двое совали нос не в свои дела, переделывали мужчин и женщин. Что сделано, то сделано. Но

большего не будет.

– Почему? Почему вы не хотите, чтобы этот мир выжил? – Слава от возмущения даже фыркнул. – Почему должны умереть эти женщины, поясните мне! В чем дело? Верования? Глупые запреты? В чем дело? Я же знаю, что вы все пришли со звезд, что оказались здесь случайно… Почему вы хотите умереть?

– Я все вам сказала! Это решение Союза Мудрых. Ваша помощь принята не будет. Если вы осмелитесь продолжать свою практику – погибнете. Если надеетесь на свою силу и ловкость, заверяю вас: у нас есть средства, чтобы вас уничтожить. Более того, могу вам сказать, что решение, уничтожать вас или нет, было принято почти равным количеством голосов – перевес в один голос. Только потому вы сейчас живы. Вам все ясно? Не будите грозу, просто тихо исчезните из нашей жизни. И еще, учтите: мы не сможем уследить за тем, если кто-то вдруг решит вас убить. Даже если Союз против этого.

– Да что же вы творите! Я бы за один год сделал так, чтобы все ваши беды закончились! У вас стали бы рождаться мальчики, и много! Вы бы забыли о войнах, развивались, поднимали цивилизацию, а не увязали в бесконечных дрязгах! Что вы творите?!

– Ты не понял моих слов? Уходите! Разговор закончен!

– Подождите! А если он говорит правду? И ведь похоже, что правду. – Глава клана Шерекан от волнения вскочила с места. – Вы всегда говорили, что причина нашего бедственного положения вам неизвестна, что вы ничего не можете сделать! А теперь, когда нам предлагают помощь, вы отказываетесь? Вы в своем уме?!

– Сядь! Что, слишком оперилась? Много о себе возомнила. – Голос Мудрой царапал слух, как клинок по стеклу. – Запомни: ты сидишь на своем месте, пока мы тебе это позволяем! И ты тоже! – обратилась она к Главе клана Зерехт. – А потому заткните ваши пасти и больше не возникайте! Забыли, кто в этом мире хозяева? Будут вам мужчины. Сколько надо, столько и будет. Пока их столько, сколько вам надо. Все. Вопрос закрыт. Подавайте заявки, будем рассматривать. Что, больно уж зачесалось, мужиков захотелось побольше? Проклятые животные! Только и думаете о том, с кем бы покувыркаться! Твари! – Лицо Мудрой стало страшным, как у горгульи, и покраснело от гнева.

– Как-то интересно все получается, – хмыкнул Слава. – Давайте сразу выясним, что нам можно, а что нельзя. За что вы объявите нам войну, а за что нет. Итак, чтобы вы не открыли против нас боевые действия, как мы должны себя вести?

– Первый правильный вопрос за все время, – так же холодно, как и вначале, откликнулась седая Мудрая. – Вы живете той жизнью, что и остальные жители этого мира, не вмешиваетесь в наши дела. А в остальном живите как хотите, лишь подчиняясь законам кланов. Можете ехать куда хотите, мы вас не держим. Я слышала, она, – Мудрая кивнула в сторону Леры, – дала задаток за двух лошадей? Вот и поезжайте. Можете взять с собой кого хотите, нанять охрану или чего там еще, нам безразлично. Но знайте: мы за вами следим. Сделаете неверный шаг – погибнете.

Лера сжала руку Славы, чувствуя, как он напрягся, – она боялась, что вот сейчас оторвет башку старой ведьме, и тогда им точно отсюда не выйти. Главы сидели тихо, опустив глаза, как будто происходящее их совсем не интересовало. Лера даже пожалела Главу своего клана – такое унижение на глазах чужаков!

– И вот еще что… Можете не пробовать лезть в голову к главам – они уже заблокированы от вмешательства. Так что не рассчитывайте на воздействие. Ну все, можете теперь делать что хотите! – Мудрая усмехнулась сухим смешком, встала, за ней встал весь выводок женщин в капюшонах, и они направились к выходу. Через минуту вся кавалькада уже спускалась по длинной лестнице вниз, на первый этаж дома.

В комнате повисла тягостная тишина. Главы, до того гордые и жесткие, как кремень, прятали глаза, наклонив головы, и молчали, как партизаны на допросе у врага.

Слава посмотрел на их скучные лица, пожал плечами и предложил:

– Пошли, Лер. Тут все ясно! – И добавил, обращаясь к главам: – Вам тоже все ясно? Думаю, да.

Они вышли из дома Главы и двинулись к Лериному дому. Слава угрюмо молчал, Лере тоже не хотелось разговаривать. Потом он с горечью сказал:

– Так все хорошо начиналось! Я чувствовал себя прямо-таки спасителем цивилизации! И вот как обломали меня в моих лучших порывах. Ты поняла, что происходит?

– А что происходит? Мудрые чего-то мутят, не хотят, чтобы ты вылечил мужчин и женщин. Только не понимаю… Ты сказал, что к тебе Мудрая обращалась, чтобы ты сделал ей ребенка. Зачем тогда обращалась? Честно говоря, я слегка запуталась. Зачем им такое положение вещей?

Слава помолчал, походя отодвинул Леру в сторону от проезжающей здоровенной телеги с оголтело орущей на козлах бабой, разгоняющей зазевавшихся прохожих, и, двинувшись дальше, задумчиво начал:

– Я сейчас изложу тебе мою версию, а ты попробуй найти в ней слабые места. Давай представим себе некий космический корабль, который в незапамятные времена совершил посадку на этой планете. На его борту находилось множество мужчин и женщин, часть из которых обладала псионическими способностями – могли лечить, могли управлять и так далее. Более того, скорее всего, это общество было матриархальным. Или же те женщины, которые были псиониками, управляли этим обществом. И мужчин изначально было меньше, не так, как сейчас, конечно, ну, может, один мужчина на две женщины. Или на пять. Как они попали сюда – своей волей или потерпели крушение, – я не знаю. Они образуют сообщество, разделяясь на кланы. Кто первый это придумал, тоже не знаю. Сдается, вся информация глубоко закрыта или же уничтожена. Итак: разделились на кланы, поделили территорию, начали жить. Почему скатились в средневековье? А так легче жить. И управлять. А может, ресурсов нужных не было, чтобы поддержать уровень цивилизации. И может быть, им в этом помогли, закрыв информацию. Когда умерли последние из прибывших на корабле, их дети и внуки, вся информация о настоящем происхождении этого народа ушла вместе с ними.

– Я не поняла: какую роль в этом сыграли Мудрые? – прервала рассказ Лера. – Это все хорошо, и я догадывалась, откуда берутся мкары или откуда взялся генератор из моего подвала, но Мудрые-то при чем? Как я поняла, они управляют этим обществом, но почему им управляют именно они?

– Ты верно поняла. Они являются кукловодами этого мира. Все эти бабы-воительницы с их железками и кодексами чести – чепуха! Настоящая власть у псиоников! Они, и только они – настоящие хозяева этой цивилизации! Ни одна

Глава не может удержаться на своем месте без их благословения. Ни одна! Они внедряют им в головы мысли о том, что надо, а что не надо делать. При недостатке мужчин в одном клане они перемещают их из другого и увеличивают рождаемость. Они сделали так, чтобы мужчин было гораздо меньше, чем женщин; от мужчин одни неприятности: они ведь могут решить, что главные в этом мире, и подвинуть женщин. А если подвинут женщин, подвинут и Мудрых – они ведь тоже женщины! То есть покусятся на их власть, а им это надо? Что сейчас видят Мудрые? Появились две странные фигуры, отличающиеся от всех своими явно псионическими способностями. Они преобразовывают мужчин и женщин, делая их способными к нормальному деторождению, разрушая то, что Мудрые тщательно выстраивали тысячи лет! И как они на это отреагируют? Так, как мы увидели! Заметь, при каждом клане есть своя Мудрая, а иногда и не одна. Они лечат людей, консультируют глав, являющихся как бы администрацией под управлением партийной элиты. Официально они просто хранительницы мудрости, лекари и жрицы, а на самом деле – кукловоды.

– Все ты верно сказал, да, но я не понимаю: почему количество мужчин сокращается? Почему они не могут регулировать это количество? Согласись, это как-то непрактично! И вот еще что: почему вдруг мужчин стало так мало и почему их генофонд испорчен?

– Думал над этим. Сдается мне, это их рук дело. Они испортили гены так, чтобы мужчин рождалось мало. Они считали, что могут регулировать количество рождающихся мужчин, но что-то у них пошло наперекосяк. И теперь они одновременно и боятся, что цивилизация погибнет, и опасаются, что мы вмешаемся и отодвинем их от власти. Мне кажется, так.

– Нелогично. Грохнуть нас – всего делов-то! Чего они нас выпускают?

– А вот это вопрос ОЧЕНЬ интересный, – усмехнулся Слава. – Сегодня нам, во-первых, показали, кто в доме хозяин. Во-вторых, предупредили, что в случае чего жизнь наша не стоит и гроша ломаного. В-третьих, дали понять, что знают, откуда мы пришли, и посоветовали жить по законам кланов… А что это значит? Это значит подчиняться Союзу Мудрых, работать на них. Так что, сдается мне, не все так однозначно в руководстве Союза. Разброд и шатание там. Часть – за сотрудничество с нами, вспомнить только ту женщину, которой я сделал ребенка и вылечил от генетической болезни. А часть категорически не приемлет наше неконтролируемое вмешательство. Отмечу: неконтролируемое. Возвращаемся опять к пункту: жить по законам кланов. Они надеются на то, что

уложат нас в рамки, заботливо ими предоставленные, и смогут использовать наши способности – мои способности. Тебя они как-то не особо боятся. Ну да, ты сверхвоительница, ты опасна, но предсказуема. Я для них что-то вроде демона – опасен, но полезен, если заключить его в крепкую пентаграмму. И вот еще что – скорее всего, они надеются через нас выйти на остальных инопланетян, попавших в этот мир. Таких же псиоников, как и мы.

– То есть они думают, что тут, на планете, есть еще такие же инопланетяне-псионики? И может, даже опасаются мести? Или же хотят захватить сразу и наших коллег? Они же не знают, есть они тут или нет, – так?

– Что-то вроде этого. Зачем нас убивать, когда можно за нами проследить? Когда мы еще можем поработать на них? Это практично, это правильно.

– А ты уверен в том, что они прибыли сюда, на планету, а не выросли тут? Это же только твои умозаключения – логичные, но… лишь умозаключения.

– Да. Это правильно. Но выяснить точнее мы сможем только тогда, когда найдем место, откуда они тащат инопланетные предметы. Согласна? Пока мы не посетим этот корабль – а я предполагаю, что это корабль… хм… впрочем, а почему не база? Например, база на пересечении звездных путей. Забросили колонию, персонал, так сказать, они и стали размножаться… Варианты, варианты… Можем только гадать. Ехать надо, смотреть, где и что. Вот Ярмарка закончится – и поедем. Ты, кажется, там лошадок уже прикупила.

– Не прикупила, а задаток дала. За двух. Сегодня до полудня надо выкупить, а то задаток пропадет. Я-то собиралась с Хагрой ехать к тебе, а потом уже с тобой решать, что делать.

– Кстати, насчет Хагры… Она была очень недовольна этой ночью, когда ты предложила ей спать в другой комнате. Я слышал, как она собралась и ушла. Она меня просто сжирает взглядом – так бы и прибила! Аж мороз по коже!

– А ты привык, чтобы все женщины на тебя вешались? – усмехнулась Лера. – Она девчонка хорошая, но… ты же отнял меня у нее, сам рассуди! Пришел, улегся на ее место, к ее женщине – какова была бы твоя реакция, если бы жил со мной, твоей женой, долгое время, а потом пришла какая-то баба и сказала: «Это моя женщина! Уходи отсюда! Теперь я с ней спать буду!» Забавно было бы поглядеть

на тебя в тот момент…

– Хм… интересную ты картину нарисовала. – Слава хохотнул и достал из кармана шорт ключ от дома (они уже подошли к дверям). – А ты понимаешь, что, с точки зрения Хагры, ты предательница? Что ты бросила ее, как щенка? Поигралась и бросила. Ты еще хуже меня, захватчика и узурпатора.

– Ой, не рви мне сердце, а? И так тошно! – Лера поправила портупею и пожаловалась: – Так надоело таскать эту сбрую! Ремни натирают груди, селедка эта бьет по бедру – скоро синяк будет! Ну, что за хрень такая! Так мечтаю когда-нибудь выбраться в цивилизацию, хотя бы кондиционер чтобы был!

– Ну поставь генератор в свою комнату, и правда будет прохладно! С тебя прошлой ночью так лилось – просто водопад! Все простыни мокрые!

– А поскачи, как я скакала, при температуре в двадцать пять градусов, посмотрим, как ты пропотеешь!

– Я предлагал тебе – давай я потружусь, но ты хотела сама. Все местное влияние, а, Лерчик? – Слава довольно хохотнул. – Полюбила доминирование? Да ладно, ладно, не хмурься – я только за! Лежишь себе, поплевываешь в потолок, а ты пыхти. Что может быть лучше?

– Во-во! Влияние местной растленной цивилизации? Теперь ты вошел в роль местного мужчины, возлежащего на коврах с золотой цепочкой вокруг пояса и томно пожирающего засахаренные фрукты?

– А что, классно… может, насовсем тут останемся? Баб много, фруктов засахаренных море… чем не жизнь?!

– Да ну тебя… гадина какая! – Лера прыснула со смеху и хлопнула Славу по крепкому, будто чугунному заду. – Никаких баб! Без моего разрешения. Я тебе кто – жена или мимо проходила? Покружился, хватит. Пошли мыться, я тебе спинку потру… и еще чего-нибудь.

– Ненасытная! Пошли, что с тобой поделаешь?

– Я тебе подскажу. Если у самого фантазии не хватает…

– Ну что, встаем? Или еще разок…

– Лер, ну ты и наголодалась тут без меня! Встаем, хватит уже. Кстати, дельная все-таки моя мыслишка притащить сюда генератор, не правда ли? Согласись! Прохладно, аж мурашками покрываешься!

– Ты покрылся ими, потому что мало двигался, а если подвигаешься…

– Подвигаюсь, подвигаюсь – по улице подвигаюсь. Пошли! Не забыла, что лошадей выкупать надо?

– А может, черт с ними, с этими серебрениками? Пусть пропадают! Неохота на жару, из-под твоего бока… – Лера уткнулась лицом в грудь Славы и перекинула через него обнаженную ногу. – Давай еще, а?

– Все, встаем! – Слава аккуратно отстранил жену и спустил ноги с кровати. – Да, хорошо в прохладе! И чего ты раньше не поставила его здесь?

– Теперь продукты в подвале пропадут, – томно сказала Лера. Сдвинув поднятые колени, сжав руки в кулаки и выгибаясь, как кошка, она потянулась и зевнула. – Ну, если вы больше ничего не хотите…

– Вставай, говорю! Пошли, прикупим лошадок. Говоришь, в общественную конюшню ставят? А что, общий гараж и хлопот меньше. А денег хватит?

– Да полно денег… Не знаю, куда и девать-то их. Еда дешевая, тратить тут особо не на что… Если только на мужчин… а оно у меня есть… Куда их тратить-то?

– Я тебе дам – «оно». – Слава неожиданно шлепнул по голому заду взвизгнувшей от неожиданности Леры и, схватив шорты, пошел вниз, в душ, не слушая возмущенных причитаний, что он злобный неуклюжий медведь, не умеющий обращаться с девушками, и теперь по его милости будет синяк во весь зад…

На улице прибавилось людей, так что трудно было протолкнуться: сновали воительницы, бегали женщины с корзинками, громыхали телеги – Ярмарка шла к своему открытию. Лера бессознательно постучала себя спереди по килту, а потом залезла под него, чего-то нащупывая. Слава хмыкнул:

– Ты чего там, вошек, что ли, ищешь?

– Тьфу на тебя! Вот сказал гадость и пошел довольный! А я теперь чесаться буду, все время представлять! Тут глаз да глаз нужен, вообще-то… антисанитария еще та, – нахмурилась Лера. – Кошелек ищу, хорошо ли прицеплен. Ты думаешь, тут все такие альтруисты? Того и гляди, срежут кошель. Глянь, глянь, как вон на тебя пялится! Сейчас подойдет и за ширинку ухватит! Пошли скорее, а то тебя тут попытаются изнасиловать – совсем бабы озверели!

Парочка прибавила шагу и быстро улепетнула от группы из десяти незнакомых воительниц, которые жадно смотрели на Славу и даже показывали на него пальцем. Встревать в разборки из-за мужчины в ближайшие Лерины планы не входило – она так и заявила мужу.

Лошадницы были на том же месте, где и вчера, и снова что-то бурно обсуждали, так что складывалось впечатление, будто они никуда и не уходили со своей скамейки.

Сделка совершилась быстро. Лера прикупила еще одну лошадь, не выше небольших киргизских лошадок, но по местным меркам очень крупную. На этой Слава мог ехать не волоча ноги по земле. Приобретение пока что оставили в корале, чтобы забрать на обратном пути – надо было еще купить седла, сбрую. Они получили расписку за купленных лошадей, и тут Лера хлопнула себя по лбу:

– Слав, ну, не дура ли я? Зачем потратила эти деньги? Вот идиотка!

– Что случилось? – рассеянно спросил муж, разглядывая помост, на котором выступали акробатки. Вернее, не выступали, а только тренировались и пробовали помост на крепость. Ногти на руках и ногах у них были накрашены, а глаза подведены, что для этого мира означало примерно то же, что для Земли – накрашенные мужчины. Формы у них были аккуратные, соблазнительные, как и все остальное…

Лера перехватила взгляд мужа и дернула его за руку, презрительно фыркнув:

– Хватит тебе разглядывать этих телок! Что у них есть такого, чего нет у меня? Показать тебе? Не надо? Так вот, послушай тогда: в общественной конюшне должны быть лошади, принадлежащие тем, кому раньше принадлежал мой дом! И раз все имущество их – мое, значит, и кони мои. И седла – они же не на неоседланных лошадях ездили! Тьфу! Как я раньше не догадалась?

– Ну, давай сходим в конюшню, – вяло сказал Слава, отрываясь от созерцания мелькающих в воздухе рук, ног и… всего остального, принадлежащего симпатичным молоденьким акробаткам.

– Пошли, пошли! – яростно зашипела Лера, уводя свое сокровище от бесстыдных акробаток. – Заодно и коней отведем. Раз уж купили, значит, купили, куда деваться?

Однако доставить коней в конюшню оказалось не так-то просто – из упряжи к ним прилагались лишь недоуздки, и лошади трясли длинными ушами, брыкались, пугаясь разношерстной толпы и пытаясь сбежать куда глаза глядят. Слава давно заметил, что здешние аналоги лошадей отличались нервным характером и гораздо меньшей выносливостью, чем земные. Но что поделаешь, уж какие есть…

В конце концов они все-таки добрались до длинных бараков, расположенных сразу за городскими воротами, – там, под крышами, в стойлах, стояли лошади, принадлежащие воительницам клана.

Заведующая конюшней с полуслова поняла то, о чем ее спросила Лера, и повела их в дальний угол. Там в стойлах стояли шесть лошадей, принадлежащих девушке после гибели Шиты и ее дочерей.

Здесь же, на стеллажах, лежало несколько седел – от парадных до повседневных, а также грузовые седла и вьючные мешки. Лера мысленно сплюнула, опять ругая себя за глупость, но делать было нечего – три купленные лошади были переданы в ведение конюшни.

Заведующая тут же напала на Леру с требованием оплатить постой лошадей за прошедшее время и за два месяца вперед – пришлось раскошелиться на приличную сумму. Похоже, что злостная Шита не утруждала себя своевременной оплатой счетов, потому и накопилась такая сумма.

Из конюшни Лера вышла, раздосадованная незапланированной потерей денег, – хотя их было еще полным-полно, однако ее хозяйственный женский разум протестовал против бессмысленных трат. Слава лишь посмеивался, глядя на ее страдания, и, чтобы утешить, предложил вернуться домой, и там он полностью перейдет в ее распоряжение. Но только после того, как хорошенько поест и попьет, желательно в приличном заведении. Хоть какое-то развлечение, а то в этом мире он уже давно, а ни в одно злачное место не сходил. Подумав, Лера потянула его туда, где когда-то она познакомилась с Хагрой.

В харчевне было очень шумно, настолько шумно и жарко, что парочка чуть не развернулась и не ушла восвояси. Голые лысые поварихи метались на кухне как черти, не хватало только рогов, копыт и хвостов. Трезубцы у них уже были. Они мешали ими в громадных котлах, наводящих на мысль о муках грешников в преисподней. Но есть хотелось, и Лера со Славой стали искать, куда присесть, – не внизу, конечно, а наверху, под матерчатым навесом.

Увы, если внизу, в жаре, сидело столь много посетительниц, то наверху просто яблоку некуда было упасть. Все столики заняты, и ни за одним из них не было ни одного места.

Лера и Слава уже развернулись на выход, когда их заметила одна из подавальщиц, женщина в короткой кожаной набедренной повязке, и громко крикнула:

– Эй, Одуванчик, забери отсюда это чудо! Тут твоя подруга с ночи зависает, она уже надоела всем! Тащи ее домой, а то мы сейчас ее под крыльцо бросим – она всю посуду перебила и стул сломала! Оплачивай за нее и забирай, а то мы к Главе пойдем с жалобой, пусть ее подержат в каталажке, чтобы научилась себя вести!

Лера посмотрела, куда показывала подавальщица, и увидела возле ограждения Хагру. Та лежала навзничь, с задранным на пояс, свитым жгутом килтом, грязная, пыльная, как дохлая кошка. Глаза ее были закрыты, и она сопела во

сне, пустив изо рта струйку слюны. От нее пахло блевотиной, перегаром и потом.

Лера поморщилась и обреченно полезла за кошельком:

– Сколько она должна?

– Два золотых плюс пять серебреников за разбитый стул и посуду.

– Получи! – Лера отсчитала нужную сумму, потом попросила: – Собери мне с собой чего повкуснее – пирогов там и еще чего-нибудь на двоих.

– Сладостей? – понимающе кивнула подавальщица на Славу, задумчиво рассматривающего посетительниц и обстановку харчевни. – Мужчины любят сладости! А еще есть чай с возбуждающими травками. Налить тебе в сухую тыкву?

– Не надо тыкву, – усмехнулась Лера. – Насчет возбуждения у нас все в порядке!

– Еще бы! – завистливо протянула подавальщица, съедая Славу взглядом. – Ладно, положу чего получше на троих – эта же тоже когда-то проснется! Будет жрать требовать! Для нее налью бутыль с острым кислым соусом, он хорош с похмелья: выпьешь полбутылки – похмелье мигом снимает! Ждите здесь, я сейчас прибегу! Как я могу Одуванчика оставить голодной! А тут видите, что делается? Это из-за Ярмарки. Мест вообще нет. Кстати, должна предупредить – цены выше в два раза в связи с той же Ярмаркой, так что не обижайтесь!

– Опять расходы! – вздохнула Лера и махнула подавальщице рукой. – Неси, неси давай, в сумку только положи какую-нибудь. И чтобы там рагу в горшочках было. Я отдам залог за горшочки, потом принесу их назад.

– Бегу, бегу! – Подавальщица рысью побежала к спуску вниз, ее немалые груди колыхались при движении из стороны в сторону, как воздушные шары под порывами ветра.

Слава и Лера отошли к ограждению и встали над лежащей Хагрой.

Лера с грустью смотрела на всегда такую чистую и аккуратную подругу, думая о том, как много значат для человека близкие люди. Ведь фактически Хагра была одинока – ни друзей, ни родни, за исключением жесткой и не очень склонной к проявлению родственных чувств тетки. И тут появляется Лера – заботливая, добрая, любящая, такая не похожая на заносчивых и кичливых воительниц. Вот оно – счастье! И подруга, и любовница, и мать-сестра в одном лице. Чем не счастье? И вдруг на тебе: Слава! Девушку отлучают от тела Леры, выселяют в отдельную комнату, выбрасывают из своей жизни – так ей кажется. И она не выдерживает – срывается, пытаясь залить горе вином. Не она первая, не одна последняя…

Лера вздохнула и посмотрела на Славу, серьезно наблюдающего за ней, попыталась что-то сказать, но он тут же прервал жену:

– Не надо ничего говорить. Подруга, жалко, хорошая, одинокая, любит, сорвалась – куда деваться, мы в ответе за тех, кого приручили, так?

– Ты что, в мозги ко мне лазил? – оскорбилась Лера.

– К тебе и лазить не надо – у тебя все это на лбу написано, как огненными буквами на дисплее!

– Да-а-а? Я такая предсказуемая? – недоуменно спросила Лера, автоматически пинком отбрасывая какую-то здоровенную бабу, пытающуюся уцепиться за зад Славы с радостным пьяным мычанием: «Мммуууущщщина!»

– В общем-то да! – сказал Слава, с интересом проследив за полетом бабы, снесшей два столика.

– И не ври! – возмущенно ответила Лера, отправляя в полет двух возмущенных теток, у которых на столике, сбитом поверженной бабищей, стояли два непочатых кувшина с пивом и горячее свиное рагу с пипроексом. Тетки, перевернувшись в воздухе, с грохотом ударились в пол и сбили еще столик, как бы совершая цепную реакцию.

Завязалась такая великолепная драка, круче которой Слава не видел даже в китайских боевиках а-ля кунг-фу. Бабы вертелись, визжали, рычали, дрались, как тигрицы. В воздухе мелькали руки, ноги – это был сущий цирк, и Слава с

удовольствием наблюдал, как толпа телок в одних юбках мочалит друг друга. Что может быть интереснее для мужчины, чем хорошая женская драка? Особенно, если знаешь, что началась она из-за тебя! Слава скрестил руки на груди и наслаждался побоищем, время от времени уворачиваясь от пролетающих пивных кружек и мисок с какой-то едой.

Лера яростно избивала всех, кто приближался к ней на расстояние вытянутой руки; заметив довольную улыбку мужа, разбила ногой летящую в нее тарелку и, уделавшись с головы до пят острым соусом, философски заметила:

– Гады вы все-таки, мужики! Вот жена страдает, отбивает руки и ноги об этих мерзких баб, а ты стоишь и лыбишься! Нет бы помочь любимой! А соус-то хорош! – добавила она, облизывая губу. – Надо будет спросить рецепт! Впрочем, система обеспечения такой сделает, надо вкус запомнить. – Она наклонила голову налево и розовым язычком слизала соус с плеча, чуть не пропустив летящую в нее кружку.

Слава успел перехватить снаряд в воздухе, хотел выбросить, но обнаружил, что тот имеет сверху крышечку на пружинке, уберегающую от разливания, а также то, что кружка полна. Он нажал на край крышечки, приподнял ее, попробовал – в кружке было вполне приличное холодное пиво, так что наблюдать за побоищем стало гораздо комфортнее и приятнее.

Но все хорошее когда-то кончается – вот и пиво подошло к концу, оставшиеся на ногах воительницы устали и решили завершить свое развлечение, так что сражение затихло и перешло в стадию подсчитывания убытков и сбора трофеев.

Трофеями являлись вырубленные ловкими ударами посетительницы, которых выволакивали на улицу, где складывали возле крыльца и обливали ледяной водой из колодца; убытки несли они же – их финансы переходили в руки жестокосердых трактирщиц, желающих возместить как траты по уборке, покупке новой посуды и мебели, так и моральный ущерб. Тут же вместо поломанных принесли новые столики и стулья, которые заняли те, кто остался стоять на ногах, и набежавшие новые желающие выпить кружечку холодного пивка.

Произошла ротация, выгодная всем – и харчевне, и посетительницам, – кроме тех, что остались лежать возле крыльца с разбитыми в кровь физиономиями.

Впрочем, они тоже были не в претензии – будет что вспомнить в сонной скуке городка долгими застойными месяцами, когда до следующей Ярмарки месяцы, а то и годы.

Появилась подавальщица, с подозрением осмотрела Леру и сказала:

– И как это вы уцелели! Такое месилово было! Пятнадцать воительниц лежат как бревна! Давно таких результатов драчки не было! (Слава наклонился к уху Леры и прошептал: «Девять – твои! Я считал!») Вот ваш заказ – с тебя золотой! – Подавальщица передала Лере увесистую сумку, и Лера сразу переправила ее в руки Славе:

– На, держи!

Потом достала из под-юбки кошелек (Слава хмыкнул – ему этот процесс чем-то напоминал стриптиз), расплатилась и, взглянув на мужа, сказала:

– Давай мне сумку, а ты хватай Хагру!

– Нет уж! – радостно засмеялся Слава. – Твоя подружка, ты и хватай! Не прикидывайся нежной и хрупкой – видал я, как ты баб этих метала, что твой роторный экскаватор! Я существо нежное, хрупкое, одно слово – мужчина! Тем более что я относительно чист, а ты покрыта соусом так же равномерно, как и твоя любовница. Вот и тащи ее. А я уж буду по-мужски семенить рядом. Ты меня должна холить и лелеять, а не надрывать тяжким грузом!

– Славка! Ну, зараза! Ну, негодяй! Ладно, сама отнесу! – Лера наклонилась к бесчувственной Хагре и, взяв ее за талию, легко оторвала от пола. Потом перехватила поудобнее, вздернула вверх и взгромоздила себе на плечо. Руки девушки болтались, голова моталась, как у тряпичной куклы, а пыльный зад вызывающе смотрел на окружающих, как большой смуглый глаз.

Слава поморщился и целомудренно одернул ей юбку. Лера с грузом на плече легко зашагала по лестнице, а Слава последовал за ней, всей спиной ощущая жадные взгляды воительниц, мечтающих о комиссарском теле.

– Ну, помоги, что ли! Подержи ее, я сейчас меч сниму, а то заржавеет!

– Ты видишь, я шорты снимаю – ну, чего я в шортах под душ полезу? А впрочем, давай, все равно забрызганы… Глянь, как мертвая! Это же надо так напороться! И это все, наверное, из-за тонкой, мятущейся души, да?

– Тебе никогда не понять женскую душу, потому что вы, мужики, все бесчувственные мужланы! – парировала Лера, стаскивая с себя портупею, юбку и оставшись в чем мать родила. – Придерживай, я сейчас ее скрести буду! Мыло подай! Ага, вот так поверни ее… попочка, бедная… кто на тебе синяков наставил? Вот так, так… Вот и помоем нашу Машу… помоем… только не блевать! А-а-а-а, зараза! Тьфу, твою мать… мать… Дай мне ковшик! Вот чертова девка! Все, иди отсюда, нечего ржать! Я сама справлюсь, толку от тебя!

– Сейчас вымоюсь и уйду. Я в вас вляпался, мне нужно отмыть свое нежное тело!

– У тебя-то нежное, медведь? Мойся да проваливай… нечего смотреть на девушек в… в общем, шагай отсюда!

Слава, похохатывая, отправился наверх и плюхнулся на кровать. В комнате было прохладно, простыни чистые – Лера перед уходом сменила. Простыней было много, и она их не стирала сама, отдавая в прачечную неподалеку. Стоило это несколько медяков, так что смысла утруждать себя не было. Слава закинул руку за голову и застыл, глядя на стоящий на шкафу генератор энергии. От него исходила волна холода, перебиваемая горячим воздухом из открытого окна. Слава задумался: кто запустил этот генератор? Как он оказался в этом доме? На самом деле, генератор был практически вечным: он каким-то образом замыкался на подпространство, используя какие-то там эффекты, как катализатор процесса использует кусочек антиматерии, висящий в силовом поле в прочнейшей металлической колбе. Фактически эта была довольно мощная ядерная бомба: если бы антиматерия коснулась оболочки, произошел бы взрыв, который мог унести этот город в преисподнюю. Слава богу, что у местных не было инструментов, позволявших сломать эту штуку, иначе они точно попытались бы ее вскрыть. А может, и пытались, только ничего не вышло. Все эти штукенции имели защиту от дурака, так как всему миру известно извечное желание человека узнать, что же там, в канистре или бензобаке, находится и посветить туда зажигалкой. Слава видел в инете ролик, снятый камерой на заправочной станции, где некий дебил, посветив зажигалкой, решил посмотреть, сколько бензина осталось в баке машины. Таких дебилов во всех мирах невероятное количество, так что защита от дурака всегда актуальна.

Подключиться к генератору было довольно просто: выходы, защелки – бросил провода, и вот тебе ток. Запускался он одной кнопкой, ею же и выключался – после манипуляции с кнопкой (тоже защита от дурака): два нажатия, перерыв две секунды и три нажатия. Не зная не выключишь. Потому, видать, он так и работал – выключить не сумели. Получить энергию от него было просто, вот только для чего она? Проводов не было, да и что питать? Можно было бы попробовать подсоединить его к Базе на Шаргионе, но, увы, позитронный мозг базы был то ли уничтожен, то ли заключен в груду его умершей плоти вперемешку с кусками звездолетов – та часть, где находился мозг, сильно пострадала после взрыва накопителей. Слава даже не смог добраться до того места, где мозг был установлен. А попытки добраться до него псионически ничего не дали – мозг не был виден в псионическом пространстве, будучи полностью отрезан от энергии. Хуже всего, что, если бы даже Слава до него и добрался, вся информация на нем могла быть стерта при мегавыбросе энергии. Кстати сказать, накопители Шаргиона – те, что остались целы, – должны быть полны энергии! Ну полны, и что? Что это дает? Его мозг заблокировался, уходя от восприятия повреждений, как впадает в кому человеческое тело после непереносимых травм. Как вывести его из комы, как вернуть к жизни? Это – вопрос. Нет, это – вопрос вопросов! Когда они отправятся на север, нужно будет заехать к кораблю, проведать Шаргиона, проведать Рой – они должны уже были укрепиться как следует. Может, взять часть керкаров с собой? Для охраны, так сказать? Нет. Пусть кормят Мать Роя, пусть обустраивают пещеры. Наверное, Мать уже обрела псионические способности. Надо будет настроиться с ней на одну волну, а для этого нужно быть близко к ней. Мозг. Позитронный мозг. Вот задача! Без него Базу не возродить… кстати сказать – а может, в чужом корабле позитронный мозг жив? Почему бы и нет? Они практически вечны. Если только по ним не долбать энергией из накопителя…

– Ох, умучилась я! – Лера бессильно брякнулась рядом со Славой, витающим в своих умозаключениях. – Давай мы того… по-быстренькому… ты пристраивайся пока… хм… хр…

Слава покосился на похрапывающую жену, улыбнулся, покачав головой, и, вздохнув, пошел из комнаты – ему хотелось есть, а на кухне стоял неразобранный здоровенный пакет с едой из харчевни. С полчаса он наслаждался вполне добротной и вкусной пищей, потом, отяжелевший и осоловевший, посидел на стуле минут десять, попивая пиво. После того как закончилась вторая кружка, он решил, что хватит, и побрел под бок к сопящей Лере. Вечер еще только наступал, но делать было совершенно нечего, кроме как валяться и думать, думать, дума-а-а-ать…

Слава уснул. До утра.

Рассвет встретил Славу и Леру грохотом. Они автоматически, еще не проснувшись, вскочили с постели, готовые к самому худшему. Лера сверкала глазами и шипела, выпустив когти, собравшись, как пантера перед прыжком. У Славы сна не было ни в одном глазу: он выспался как никогда. Это же надо – продрыхнуть с вечера, почти дня, и до самого утра!

Он легким, шелестящим шагом пошел вперед, сопровождаемый настороженной и зыркающей по сторонам Лерой. Они спустились по лестнице и пошли на звук. А звук шел из душевой.

Заглянув в помещение, они увидели на полу Хагру, покрытую синяками, трясущуюся, как осиновый лист, пытающуюся собрать медные тазики, которые она уронила с высокого стеллажа.

– Эттто… я-а-а-а… простите, что разбудила… хххотела помыться-а-а-а… Я вчера сильно нажралась, да? Ой, как мне плохо… Слава, не смотри на меня, мне стыдно… ой, как хреново!

Хагра была посиневшей не только от синяков – кто-то ее хорошенько напинал, – но и от холода. Ее бил озноб; когда она попыталась налить воды, облилась с ног до головы, и ей стало совсем холодно.

Лера посмотрела на тазик – там лежал килт девушки: видать, она проснулась, обнаружила его лежащим у порога и решила постирать, стыдясь идти домой в такой грязной тряпке. Закончилось это тем, чем закончилось.

Слава пожал плечами и пошел в кухню – разжечь огонь в печке и поставить кипятиться чайник. В качестве кухонного топлива тут использовали маленькие чурочки очень тяжелого дерева, долго горящие жарким пламенем. Жарковато летом с печкой-то, но куда деваться? Само собой, газа и электричества не было – как готовить пищу? Медный чайник пристроился на плите, содержимое сумки на столе (понюхал, вроде за ночь не испортилось, слава Святому Генератору! На весь дом прохладу напустил). Уселся и меланхолично начал нарезать копченую грудинку с пряностями, следя краем уха за бормотанием Леры и Хагры.

Через несколько минут их голоса стихли, и Лера появилась в дверях, напоминая собой статую Венеры Милосской, только с руками. И они были уперты в бока.

– Не жалко?

– Чего не жалко? – не понял Слава, засовывая в рот горбушку лепешки с куском грудинки.

– Хагру – не жалко? – продолжила Лера агрессивно.

– Фффуххх… я уж думал: грудинку пожалела! Так сразу-то и не понял…

– Не придуривайся – знаешь, о чем я! Тебе что, трудно? Каких-то там телок лечил, а тут…

– А тут – твою любовницу, скрашивавшую тебе долгие тоскливые зимние вечера, пока меня не было? – закончил, усмехнувшись, Слава.

– А хотя бы и так! Трудно, что ли? Ты еще вчера мог это сделать, но не захотел! Почему? Из-за того, что приревновал меня к ней? Но она же не мужик! Я тебе с мужчинами не изменяла! Кстати, в отличие от тебя… Сколько баб перетрахал, изменщик?!

– Ладно, ладно! Я понял свою ошибку! Сейчас полечим! И ваши розовые игрища ни при чем – ей надо было попробовать, что такое похмелье, иначе где воспитательный момент? Где воспоминания о том, что это так плохо потому, что вчера было так хорошо?

– Хватит морализаторствовать, проповедник! Сам по десятку баб в день трахал, а тут бедная девочка перебрала лишнего, так столько нытья, будто не Слава-производитель, а какой-то хренов миссионер! Иди, лечи!

– Как ты меня назвала? – обиделся Слава. – Никуда не пойду! Пусть трясется до завтра! Не будешь обзываться! Я мир спасал, а не развлекался!

– Ну ладно, ладно – спасал… спасал… десять раз в день. Полечи девчонку, ну, чего ты! Ну, Славочка, ну ты же добрый, хороший, ну ради меня! Ну прости, если сболтнула лишнего, ну я же женщина, в конце концов, ты должен меня прощать – я же тебя простила и прощаю все время! Ну, Сла-а-ав… Щас плакать буду… – У Леры из глаз покатились слезы, скатываясь по крутой груди и падая на пол. – Ну что тебе, трудно, да? Надо было меня до слез довести?

– Это… перестань, что ли! – Слава встал со стула, и настроение у него испортилось. – Ну сейчас полечу, ну, чего ты плачешь! Иди вон за чайником последи! Сейчас вылечу твою чертову полизунью! Все настроение испортила.

Слава ретировался с глаз жены, а та проследила за его спиной хитрым взглядом и облегченно вздохнула – теперь все будет нормально! Славка всегда слово держит – сказал, полечит, значит, полечит! Оружие «Слезы-1» разит безотказно. А если не разит, есть запасной вариант – «Слезы-2», «Слезы-3», следом – тяжелое вооружение: «Голова болит». И убойный аргумент: «Мне жить не хочется!» – но это уже последнее средство, опасное. Может, мужчине того и надо?

Лечение заняло минут десять, а через пятнадцать минут стесняющаяся, непохожая на себя, всегда боевую и несгибаемую, Хагра появилась на пороге кухни и тихо сказала:

– Можно я с вами посижу?

– Ты чего? – недоуменно спросила Лера и вскочила с места, обняв девушку. – Думала, что ты нам не нужна? Даже и не думай! Ты со мной, ну, успокойся, не плачь! А то я сейчас тоже заплачу! У-у-у-у…

Девушки плакали назврыд и, как показалось Славе, просто упивались своим плачем, как упивается знаток хорошим вином многолетней выдержки. Он потерпел минуты три и рявкнул:

– Хватит, что ли? Вы что как по покойнику воете? Совсем охренели! Садитесь завтракать, наконец! А то я сейчас сбегу от вас – терпеть не могу женских слез!

Девушки пошли умываться, оттуда послышались звуки поцелуев и воркование, отчего Славу совсем перекосило. Он вспомнил, что бродит по дому голышом,

слегка подумал, пошел и надел чистые шорты. Ни к чему вводить Хагру в искушение видом мужских гениталий.

Девушки появились уже румяные, довольные, держась за руки и счастливо смеясь как ненормальные. Не обращая внимания на Славу, уселись за стол и начали ухаживать друг за другом, соревнуясь в любезности.

– Эй, вы тут не забыли, что не одни? Может, начнете прямо на столе ласкаться? – раздраженно спросил Слава и со злостью откусил от здоровенного бутерброда, который соорудил себе сам. – Может, лучше за мужем поухаживаешь, чем беспутную подружку обихаживать?!

– Ой, прости, Слава. – Хагра виновато улыбнулась. – Мы и правда забыли про тебя! Лер, у нас мужчина, а мы забыли о нем – так нельзя! Мужчину надо холить! Давай-ка поухаживаем за нашим мужчиной!

Слава довольно улыбался, пока вдруг не вспомнил, что сказала Хагра. «Нашим мужчиной» – то ли оговорка, то ли злостные бабы договорились между собой… Он было нахмурился, однако тут же понял, что ему лень об этом думать, и предпочел погрузиться в негу. Вокруг него бегали две красивые голенькие девушки, ему подливали чаю и строили бутеры высотой с небоскреб – что еще нужно от жизни?

– Ну что, какие планы на сегодня? – спросил Слава, поглядывая на улыбающихся девушек. – Когда все соберутся – эти, с севера которые?

– Да уже, наверное, и собрались! – невозмутимо ответила Хагра. – Сегодня открытие Ярмарки. Глава речь скажет, типа благословит всех на торговлю. Объявят соревнования – борьба, рукопашный бой, фехтование, бег, скачки на лошадях, – все будут ставки делать. Лерчик, ты мне обещала…

– Чего ты ей обещала? – подозрительно спросил Слава. – Небось непотребство какое-нибудь?

– Жульство великое, – усмехнулась Лера. – Она хочет заявить меня на соревнования по фехтованию, борьбе и рукопашке. Поставить на меня мои же бабки и сорвать куш. Чемпионы давно известны, и все будут ставить против меня. Так что куш должен быть приличным. Если только нас не прибьют. Вот я и

пообещала ей поучаствовать в соревнованиях. Я слово дала, Слав…

– Лер, тебе деньги, что ли, нужны? Вроде не нищенствуем… светиться-то зачем? Тем более что нам нужно всего лишь дождаться северных кланов и посмотреть, что они привезли. А потом попробовать узнать, откуда взялись эти товары. И тут же уезжать. Все! Какие соревнования, какие фехтования?! Лер, ты чего?

– Слав, я обещала, – поджав губы упрямо сказала Лера. – Ты же сам говорил: дал слово – надо выполнять. Ты же сам всегда держишь свое слово! Так почему меня лишаешь такой возможности?

– Ой, ну делайте что хотите, только отстаньте от меня! – досадливо махнул рукой Слава, допил из чашки травяной отвар и поднялся, чтобы идти к себе.

– Лера, Слава, у меня к вам предложение!

Слава задержался на пороге – почему-то показалось, что предложение Хагры сильно ему не понравится. Так оно и оказалось…

– Кто – ОН? Девки, вы что, с дерева свалились и прямо на поилку для лошадей? Тут выступают лучшие из лучших, да они наотрез откажутся соревноваться с нежным мужчинкой! Проиграешь – мужчине проиграла, стыдоба! А выиграешь – того хуже: нашла у кого выиграть – у мужчинки! Полное унижение! Нет, я не запишу его! Вы бы еще свинью привели на запись!

– Где в правилах записано, что мужчина не может участвовать в соревнованиях, а? – горячилась Хагра. – Покажи мне – где это написано?

– Не написано, но и не принято! – так же яростно защищалась распорядительница. – Где это видано, чтобы мужчина участвовал в соревнованиях по фехтованию и рукопашному бою! Вы что, спятили?! Да его убьют на хрен, и все! Я, что ли, отвечать буду перед вашим кланом?

– Я отвечу! Могу расписку дать, что отвечу! Или пошли к Мудрым – пусть фиксируют мою ответственность! Я воительница десятого ранга и отвечаю за то, что говорю!

– Нет, нет и нет! – Распорядительница уткнулась в бумажки и оторвалась от них лишь тогда, когда в стол перед ней вонзился меч.

– Если ты, сука, сейчас его не запишешь, я вызову тебя на смертельный поединок и зарублю!

– А кто тебе разрешит вызывать во время Ярмарки? – Распорядительница побледнела и отшатнулась. – Поединки до смерти во время Ярмарки запрещены!

– Тогда я вызову тебя на поединок до третьей крови и сломаю шею – ты все равно сдохнешь! Клянусь в этом! Я Хагра, воительница десятого ранга! И никто не посмеет мне предъявить претензий, потому что СЛУЧАЙНЫЕ смерти на поединках до крови допускаются! А твоя смерть будет ОЧЕНЬ случайной!

– Ну какая же ты тварь! – сплюнула распорядительница. – Да хрен с тобой, подписывай бумагу, что берешь на себя ответственность за смерть или инвалидность этого мужчины… Слава его звать? За смерть или инвалидность Славы в результате соревнований по фехтованию и рукопашному бою. Вот тут подпись. Все. Он заявлен. Еще есть у тебя кого заявить на соревнования? Гунги, свиньи, насекомые? Всех выставляй, не стесняйся! О боги! Как измельчали Игры Ярмарки за эти годы! Что делается с цивилизацией?! Какие времена настали, какие нравы…

– Хватит причитать, запиши вот еще ее – Лера звать – на соревнования по бегу и борьбе.

– Она – по борьбе? Ну ладно бег, но борьба?! Ты видела борцов? По сравнению с ними Ситра – тростиночка!

– Она Ситру на днях швырнула за десять метров. Если хочешь срубить бабла – ставь на нее, советую! – смилостивилась Хагра.

– Да-а-а?! Так это Одуванчик? Спасибо за наводку… буду иметь в виду. Только зря ты мужчину выставила: их и так мало, покалечат ведь – не жалко? Иэххх… – Распорядительница досадливо махнула рукой и больше не обращала внимания на Хагру. Та удовлетворенно улыбнулась и прошла прочь, к ожидавшим невдалеке Слава и Лере.

На Славу сегодня решили надеть плащ, похожий на плащи Мудрых, скрывавший его с головой – внимание озабоченных баб его просто достало. Не проходило и минуты, чтобы какая-нибудь дамочка не попыталась «невзначай» погладить его по заду или промежности или же, присвистнув, начинала вслух обсуждать его стати, как племенного жеребца. Пришлось упрятывать его в одежду Мудрых, которую где-то раздобыла вездесущая Хагра. Скорее всего, купила в рядах.

– Все, заявила вас! Слава – фехтование и рукопашный бой, а ты – бег и борьба! Ты деньги не забыла? Через час уже начнется! Лер, можно тебя на минутку?

Хагра отвела девушку в сторону и виновато спросила:

– Лер, ты уверена, что он так хорош в бою, как ты говоришь? А то и вправду покалечат, ты потом меня никогда не простишь!

– Не покалечат! – усмехнулась Лера. – Как бы он их не покалечил. Надо его предупредить, чтобы не зашиб кого-нибудь до смерти. Он не умеет сдерживаться – если бьет, так сразу наповал. Зря, наверное, мы все это затеяли! Что будет, если мужчина поубивает лучших бойцов кланов? Сколько там их, бойцов? Тридцать шесть? Восемнадцать пар… до вечера-то успеем? Неужто в темноте будут заканчивать?

– Ограничения по времени: если в пятнадцать минут не уложились – присуждают по очкам. А если он убьет кого-то, ничего не будет. Значит, боги так распорядились. Смерть на ристалище во время Ярмарки угодна богам, боец попадет в Звездные Чертоги.

– Поскорее бы мне попасть в Звездные Чертоги под названием звездолет, – пробормотала Лера.

– Ты чего?! – услышала ее первые слова Хагра. – Все там будем! Всем придет свой черед! Нельзя ускорять и просить богов! Нельзя так говорить! Боги рассердятся!

– Ладно, не буду, – усмехнулась Лера и предложила: – Ну что, пошли на свои места? Где они располагаются…

Глава 2

– Приветствую вас, народ кланов! Мы открываем ежегодную Ярмарку, служащую не только средством продажи и обмена, но и единения нашей расы. («Хорошо излагает, зараза! Учитесь, девочки!» – заметил Слава.) Сегодня прибыли тридцать шесть кланов со всех сторон нашего мира! («Их сорок два! – заметила Хагра. – Похоже, остальные грызут друг другу глотки – в знак единения! Некогда им единяться на Ярмарке».) Ярмарка начнется с состязаний. Все желающие могут пройти на площадки для состязаний. Ставки будут принимать клановые букмекеры. Напомню правила для тех, кто впервые посетил Ярмарку, для молодых воительниц и купчих! Итак, налоги за проданный товар будут взиматься в конце дня. Просьба не обманывать с расчетами – ваши слова будут проверяться Мудрыми. Те, кто будет замечен в обмане, подлежат изгнанию с Ярмарки, а их деньги и товары конфискуются в пользу нашего клана! Далее, запрещаются смертельные поединки. Допускается вынимать боевой меч только для отражения атаки. Виновные будут заключены под стражу и подвергнуты наказанию, вплоть до смерти. Допускаются поединки до крови, но только на тренировочных мечах и под надзором глав кланов! Строго запрещается война между кланами, а также нападение с целью захвата мужчин! Если есть какие-то проблемы – Союз Мудрых ждет вас, подавайте заявки. За разбором каких-либо споров следует подходить к главам своих кланов и ко мне! За порядком будут следить клановые воительницы, только они имеют право обнажать боевые мечи и только находясь на службе! Их будут отличать повязки с цветом клана на левой руке! Соревнования начнутся через час. Напоминаю: запрещается употребление участниками каких-либо наркотических средств, усиливающих скорость и силу! Виновные будут изгнаны и жестоко наказаны! Победители турниров получат призы от кланов, а также проценты от ставок! За выяснением своих процентов участникам следует подойти к букмекерам. («Ну хватит болтать, что ли! – пробормотала Хагра. – Все всё давно уже знают! Зрелища давай!») Те, кто хочет посмотреть представления комедиантов и певцов, могут подойти к помостам у реки. Там же акробаты, жонглеры и другие трюкачи. Итак, Ярмарка начинается!

Глава сошла с импровизированной трибуны на повозке, и народ начал расходиться, растекаясь, как весенние ручьи.

– Пошли, пошли скорее к площадкам для соревнований! – заторопила Хагра. – Лерчик, мы с тобой вон туда, где борьба и бег, а Слава – вот тут. Слав, ты сам

сможешь заявить распорядительнице, что ты прибыл? Тут на каждый вид игр своя распорядительница – ты должен подойти к ней, заявить, что ты записан на участие. Тебе выдадут меч, вернее, ты сам его выберешь – там куча тренировочных тупых мечей. Потом будут вызывать, и ты просто роняй их всех! А на рукопашке то же самое, только без мечей. И еще: плащ придется снять. Все соревнования проходят только обнаженными, чтобы участницы ничего не могли спрятать под одеждой. Например, толстую прокладку для смягчения ударов. Запоминай: поединок закончен, когда кто-то из противников уронил меч или получил удар или касание в область шеи или головы. В остальные места – даются очки, потом судьи подсчитывают. В рукопашке – пока противник стоит на ногах и может продолжать бой. И вот еще что – не бойся бить! Если будешь сдерживать силу удара – проиграешь! Смерти на этих поединках бывают и не считаются преступлением. Так боги распорядились. Теперь Лера. С бегом понятно: пришла первая – вот ты и победительница. Борьба: если противник коснулся пола чем-либо, кроме ног до колена и рук, или если он вылетел, заступил за границу борцовской площадки, он проиграл. И ты увидишь, какие там туши выступают, ой-ой… держись! Не давай им захватить тебя – могут поломать! Все, я пошла ставить, а вы разбегайтесь по местам – вон уже остальные участницы выстроились! С каждого клана по одному участнику, а то и по два!

Хагра убежала, а Слава огляделся по сторонам, успокаивающе пожал руку Лере и побрел к своим площадкам. Ему от всего этого было довольно тошно: он так и предвкушал сейчас презрительный свист зрительниц и громкие крики обсуждения его задницы и гениталий. Честно говоря, он уже устал от этого назойливого внимания и с усмешкой думал о том, что вот так, наверное, чувствуют себя девчонки, что выходят в людные места, одевшись в откровенные наряды – коротенькие юбки и обтягивающие топики. Впрочем, им-то, похоже, нравится такое внимание к себе, а вот он уже на стенку готов лезть.

– Итак, ты кто тут у нас? – Распорядительница пододвинула список. – Слава? Мужчина? Да они с ума, что ли, посходили там? Ты-то в своем уме, мужчинка? – Крепкая седая распорядительница, с цветами чужого клана на поясе, внимательно посмотрела на Славу, прикрытого капюшоном. – Похоже, что нет. Снимай свой плащ, оставляй здесь. Тебе сказали, что бои только обнаженными? Сказали, ага. Ой, что сейчас буде-э-эт!.. Как бы тебе член не оторвали возбужденные зрительницы! Это уже не бои, а Мужской Дом получается! Сейчас сюда вся Ярмарка сбежится. Неслыханное дело – мужчина на арене! Вон там стоят мечи, подбери себе. Знаешь что, пока не снимай плащ, как объявлю тебя, тогда и снимешь. Пока стой так, а то в давке столы на хрен снесут… пусть

попозже узнают. Правила знаешь? Пятнадцать минут, не больше, длится бой. Попробуй продержаться! – Распорядительница еще раз укоризненно покачала головой.

– Я заявлен еще в соревнованиях по рукопашному бою, – невозмутимо сказал Слава. – Мне нужно пойти туда зарегистрироваться. Где площадка рукопашников?

– Еще и по рукопашному?! Где та дура, что тебя заявила?! Хотела бы я на нее посмотреть! Вон площадка, через пять метров. Видишь, стол стоит? Иди туда. Тут рядом, так что не пропустишь.

Процедура обещала повториться, за тем лишь исключением, что не нужно выбирать меч. Опять будут причитания, крики о несчастной судьбе этого глупого нежного мужчины, который лезет в компанию брутальных женщин-убийц, намазывающих таких мужчинок на лепешку пачками, во время завтрака.

Эти брутальные женщины уже стояли рядом с площадками, и их натурально можно было признать за мужчин – если бы они были в других мирах. Мощные мышцы, жилистые тела, лишенные какой либо мягкости и нежности, сзади – вылитые мужики. Впрочем, и спереди тоже – если не смотреть ниже пояса… Маленькие груди, даже не груди, а переразвитые грудные мышцы с сосками. Широченные плечи.

Слава, глядя на этих монстров, задумался: они дико напоминали культуристок, которых он видел в инете, – один к одному. И это все попахивало нехорошим душком, а именно – работой модификаторов, то есть Мудрых, заставляло очень сильно задуматься и подтверждало выводы о том, что некоторые из Мудрых, пусть и не все, могут работать с преобразованием тел. Вот, например, в обществе воительниц главное место в административных структурах занимает та, что может лучше всех обращаться с мечом. Та, что сильнее и быстрее всех. Но при этом миром правят другие – те, кто из-за кулис дергает их за ниточки. Как сделать так, чтобы место главы заняла та, что нужна? Верно! Надо преобразовать ее тело так, чтобы она была лучшей! Хорошо, но тогда вот эти призовые бойцы были бы главами кланов – кто их остановит? Они не хуже, а может, и лучше глав владеют мечом, не менее сильные и ловкие. Что, если они захотят занять место Главы? Так на то есть Мудрые – внедрить в голову этого бойца мысль о том, что он никогда не будет претендовать на должность Главы, всего-навсего. Внедрить тогда, когда переделывается тело вот этого

перекачанного монстра. Запросто. Но зачем вообще эта профанация Игр? Зачем они соревнуются между собой? К чему это все? Да много причин: и желание зрелищ, и возможность сделать ставки на тотализаторе (во все времена и во всех мирах это людям интересно!), и испытание возможностей Мудрых – все время можно тренироваться, модифицируя тела своих подопечных. Но еще и рейтинг кланов – так государства на Земле выставляют спортсменов, чтобы поднять свой престиж. В чем, правда, этот престиж выражается, Слава никогда не понимал. Почему эти спортсмены получают громадные деньги, тоже в голове не укладывалось. Он не мог уяснить, а главное – принять, почему футболист, гоняющий по полю некий круглый предмет, получает миллионы долларов, а тот же учитель – гроши. Но в мире много непознаваемого, если пытаться понять такое, можно сойти с ума. Лучше об этом не задумываться. А вот задуматься над положением с этими «спортсменками» в мире амазонок приходилось – это укладывалось в общую мозаику мира, подвигало к пониманию сути процессов и могло, возможно, помочь выживанию.

Слава объявил и второй распорядительнице, что задействован в соседнем соревновании, та повозмущалась, но обещала ждать, когда он освободится у соседей, чтобы прийти к ней на площадку. Было видно, что ее ужасно интересует то, что будет, – вряд ли на ее памяти хоть один мужчина принимал участие в подобных Играх. Кстати сказать, Слава заметил, что вокруг площадок собрались не только женщины: подкатили фургоны с красными тентами, занавешенные чем-то вроде сеток, – зрелище показывали мужчинам, скрывшимся за «вуалью».

Оглянувшись, Слава заметил, что вокруг собралась почти вся Ярмарка, видимо, кроме тех, кто охранял свои товары и не мог их оставить. Слух об участии в соревнованиях мужчины уже обошел всех без исключения – на то он и базар, чтобы слухи разносились с быстротой молнии или скорее лихорадки Эбола. Ну все-все желали посмотреть на этого мужчину, дерзнувшего соревноваться с женщинами! Толпа волновалась, гудела и жадно вглядывалась в высокую фигуру в плаще, похожем на плащи Мудрых.

Слава подошел к стеллажу и стал выбирать себе меч. Они были тупыми с закругленными концами, но вполне даже увесистыми и опасными – если таким врезать по башке, можно не то что рассечь кожу и выбить глаз, но вообще проломить голову! «Сэр, какая у вас странная шпага! Это не шпага, сэр, это арматура!» Такой арматуриной было вполне по силам не то что покалечить человека, но и вполне спокойно его убить. Мечи, само собой, были разной длины,

но и самый длинный был меньше того, который подходил бы высокому Славе. Что поделать! По правилам можно пользоваться только теми мечами, которые выдаются на соревнованиях.

Меч был выбран, Слава прислонил его к столбику, ограждающему площадку для боя, и снял плащ. Если сказать, что все вокруг вздохнули в восторге, значит, ничего не сказать. Ну если представить толпу из пяти тысяч мужиков разного возраста, допустить, что примерно девяносто процентов из них имели женщину минимум месяц назад, и выставить на площадку перед ними обнаженную Ирину Шейк в красивой сексуальной позе (а все ее позы сексуальны и красивы) – и что будет?

Если бы перед толпой не выстроились воительницы клана с палками, охаживающие всех, кто напирал и бесновался, площадку, вероятнее всего, снесли бы, а Славе пришлось бежать, спасая свои драгоценные гениталии. На Ярмарке назревал бунт, бессмысленный и беспощадный. Бабы рвались вперед, чтобы коснуться вожделенного мужчины, ощутить его плоть – для них это была Ирина Шейк в мужском обличье, их мечта, их воплощенная сексуальная фантазия! Если бы не Мудрые…

Они появились неизвестно откуда, как будто вынырнули из небытия и, встав перед толпой, быстро ее усмирили – возбужденные лица разглаживались, приобретали отсутствующее выражение, бабы затихали. Из них как будто выпустили пар. Очевидно, Мудрые применили псионическое воздействие, и толпа подчинилась, превратившись в обычных возбужденных зрителей.

Слава облегченно вздохнул, вздохнула и распорядительница рядом с ним, утирающая со лба выступившие капли пота.

– Никогда такой страсти не видела! – Голос распорядительницы был хриплым, а рука дрожала. – Если такое повторится, я откажусь участвовать в соревнованиях: мне моя жизнь дороже! Ты готов, мужчина? Пошла первая пара – Слава и Зурат!

Зурат была сделана как под копирку с остальными «дамами» – голем из мышц, легко вращающий длинным мечом, примерно такой же длины, как и у Славы.

Бой закончился за пять секунд – Слава ударом сломал ей руку, хрустнувшую, как тростинка. Пока дама с усмешкой рассматривала его гениталии, он напал, переломил ей руку. Меч выпал – все завершилось.

Соревнование по рукопашному бою проходило примерно так же – только с поправкой на то, что меча не было. Но перелом руки – был. Женщина попыталась драться со сломанной рукой и получила удар, раздробивший ее челюсть в кашу. Мудрым придется много поработать с этой спортсменкой, восстанавливая ее внешность.

Слава не испытывал каких-то угрызений совести, калеча этих монстров, – они знали, на что шли. Их специально выкормили и вырастили для боя, и они так же калечили своих соперниц на потеху толпе. Чем же он отличался от них? Он играл по их правилам. Ну да, он был мутантом, продуктом цивилизации, ушедшей далеко вперед. Но и они были не простыми воительницами – это тоже были мутанты. Такие же гладиаторы, как и он. Только послабее.

Он все-таки умудрился не убить ни одной противницы. Поломанные руки, ноги и рассеченные головы не в счет. Никто из них не смог сравниться с ним в мощи, скорости и умении – за ним стоял тысячелетний опыт гладиаторов, внесенный в его голову матрицей.

В общем-то информация, полученная на этих соревнованиях, нулевой не была: он теперь знал, как управляется это общество, как существуют социальные структуры планеты. Он знал, что Мудрые могут модифицировать тела людей, получил еще одно подтверждение этому. Все укладывалось в копилку, чтобы когда-нибудь, возможно, пригодиться. А может, не пригодиться – кто знает!

– Изумительно! – Хагра вся сияла от счастья. – Такого еще никогда не было! Я загребла три тысячи золотых – еле мешки подняла! Надо отнести домой, пока мешок не порвался и все не разлетелось в пыли! Вы были великолепны, все только и говорят о вас. Лерчик, ты бесподобна, моя радость! Как ты метнула ту корову – она снесла столбик с канатами и зашибла судей. Зрители визжали от восторга, особенно когда никак не могли достать распорядительницу из-под туши! Килограмм двести весит ведь, а то и больше – чтобы с площадки не вытолкнули!

– Это что, вариант сумо? – спросил Слава у Леры. – Что у вас происходило-то?

– Ты точно сказал – сумо и есть. Такие коровы, ты бы их видел – ужаснулся! Вряд ли у тебя возникло бы желание «спасти мир» с ними.

– А что такое сумо? – спросила Хагра, жадно прислушивавшаяся к разговору.

– Ну вот такая борьба. Мы ее так называем. Это когда на площадку выходят два борца и делают то, что я сегодня делала. Нудно и долго.

– Ничего себе долго! Да ты их за несколько секунд выкинула с площадки! Такого никто не припомнит! Кстати, Глава сказала, чтобы вы зашли за призами к ней в кабинет. Пошли вместе? Заодно отнесем деньги, ну не таскаться же с таким богатством по Ярмарке? А потом пройдемся по Ярмарке снова, а?

– Пошли, – согласилась Лера. – Слав, и правда, таскаться с этими деньгами тяжко. Хагра вон вся аж согнулась. Да и мне мешки мешают, – Лера поправила два мешка, висящие через плечо. – Того и гляди, кто-нибудь покусится на наше сокровище. Давай отнесем?

– Может, вы сами сходите, а я пройдусь, посмотрю? На мне плащ, вряд ли кто будет приставать так, как тогда, когда я был в шортах. Идите сами, а? Потом приходите – я буду у северных кланов, погляжу, что там у них есть. В общем, найдем друг друга.

– Мне это не кажется хорошей идеей, – помотала головой Хагра. – Мужчина, в одиночку бродящий по Ярмарке, – это нехорошо. Могут быть проблемы. Впрочем, если ты не прочь убить пару-троечку баб, которые тебя попытаются похитить, гуляй, чего там.

– Похитить? Так запрещено же похищать мужчин во время Ярмарки? – удивился Слава. – Это же смертная казнь!

– У нас много чего запрещено. В том числе и воровать. Однако воруют. И грабят, и насилуют – да-да, и это тоже. Вы такие с Лерчиком наивные, как не из этого мира! Ничего не знаете. Мало ли что там законы говорят, главное – как их исполняют. В общем, я не рекомендую Славе ходить одному.

– Слав, может, и правда не надо? Завтра сходим? – нерешительно сказала Лера. – Давай так сделаем – сегодня отнесем деньги, зайдем к Главе, отдохнем… кстати, ведь уже вечер и скоро смеркается, а завтра с новыми силами с утречка пойдем смотреть товары. Пошли, а?

– Да ну пошли, – досадливо махнул рукой Слава. – Вы же не отвяжетесь!

Возле входа в дом Главы стояла охрана. Узнав Леру и Хагру, они уважительно поздоровались и осведомились, чего хотят от Главы такие важные персоны? Услышав о получении наград, коротко кивнули головой, и младшая стражница побежала наверх, доложить о приходе призеров. Некоторое время ее не было, потом она появилась и торжественно объявила, что Глава ждет победителей!

Троица переглянулась и двинулась вперед, поднимаясь по высокому крыльцу. Слава был настороже – мало ли какие сюрпризы могут ждать их за этой высокой дверью? Вдруг кому-то из Мудрых пришла в голову мысль о том, что пусть лучше лопнет ее совесть, но она все-таки прибьет этих опасных чужаков? Особенно после яркой победы на Играх… Слава еще раз выругал себя, что пошел на поводу у жены и ее подруги, – не надо было светиться! Теперь каждая собака знает Одуванчика и мужчину по имени Слава. Впрочем, может, и к лучшему? Путешествовать легче: будут опасаться.

Глава ждала в кабинете, она была одна, а перед ней лежали два мешочка-кошелька. Она довольно холодно посмотрела на пришельцев, кивком ответила на приветствие и, подвинув к ним мешочки, сказала:

– Вот тут, на расписке, напишите, что получили. По двести золотых. Пересчитывать будете? Нет? Тогда прощайте. И мой совет вам: завтра утречком уезжайте. А лучше прямо сегодня, в ночь.

– Все так плохо? – просто спросил Слава.

Глава промолчала, но ее взгляд говорил о многом. Троица пошла к двери, когда Глава неожиданно приказала:

– Хагра, задержись. Надо подписать кое-какие бумаги. Вы идите, она вас догонит.

Хагра с сомнением оглянулась на Леру, потом нерешительно кивнула головой и села к столу. Слава и Лера вышли из кабинета и спустились по лестнице. Славе очень не нравились слова Главы по поводу их отъезда, и он сказал Лере:

– Может, и правда в ночь уехать?

– А Ярмарка? Мы не походили по ней, не получили информации! Сейчас уже поздно, там все закрывается, а завтра с утра походим, поговорим, узнаем, что надо, и в путь. Как думаешь, чего она Хагру оставила? Что-то сердце у меня не на месте, нехорошее чует. Может, ей пакость какую хочет устроить? Она сегодня хороший куш сорвала. Кстати, мы так и не узнали насчет букмекерских денег – там тоже должны быть приличные суммы!

– Лер, да черт с ними, с деньгами этими! Что нам, денег не хватает? Наплевать! Ладно, пошли домой. Переночуем, а там и видно будет.

Хагра догнала их уже у самых дверей дома. Она была возбуждена. Слава на всякий случай посмотрел ее мысли – защиты не было. Мысли обычные – он даже слегка поморщился: она видела себя между Лерой и Славой в дикой оргии, и эти картины забивали все, что он хотел увидеть. Впрочем, и видеть-то особо было нечего: бешеная любовь к Лере, как будто она была всей ее жизнью, сексуальное желание к Славе – немного странное, потому что, по ощущениям Славы, она представляла его не чем иным, как частью Леры, отсутствующим у нее органом. Славе стало смешно, и он фыркнул, решив потом рассказать об увиденном Лере. Так-то вроде и нехорошо лазить в мозгах у друзей, но, во-первых, Хагра была подругой не Славы, а Леры, а во-вторых, она была аборигенкой, из расы, которая отнеслась к ним, пришельцам, не очень дружелюбно. Ему не нравились кружева вокруг Хагры: Глава время от времени приглашает ее то остаться, то зайти, и все без участия Славы и Леры. С одной стороны, это их дело, местное, все-таки Глава – ее начальница, а с другой стороны, лучше перебдеть, чем недобдеть! Вдруг они так же, как Слава у других, просвечивают мозги Хагры, и та, сама не подозревая, «докладывает» им то, что видит и слышит. Впрочем, вряд ли пока от нее был хоть какой-нибудь толк – они с Лерой если и говорили о чем-то тайном, то наедине, без участия Хагры. Ну а куда они ходят и что делают – в этом отношении для Мудрых не было пока ничего интересного. Все на виду, все известно.

Они втроем поужинали, потом Слава пошел к себе в комнату, где завалился на постель, ожидая Леру и обдумывая то, что им предстояло сделать. Девушки

хихикали внизу, шептались, затихали и снова чего-то там бормотали. Слава не прислушивался: надо будет, Лера и сама расскажет, о чем они там говорили с Хагрой. Или что они там с ней делали…

Незаметно для себя он задремал и сквозь сон слышал, как открылась дверь, и гладкое теплое тело прилегло к его боку. Он повернулся, прижал Леру к себе, потом они тихо, спокойно, как супруги в долгом браке, занялись любовью. Кончили одновременно и, тесно обнявшись, тут уже уснули.

Ночью ему приснилось, что открылась дверь в комнату. Он в полусне прижал к себе Леру – жена на месте! Хагра решила присоединиться к их теплой компании? Он не был против ее компании, хотя перед глазами так и всплывало ее грязное тело, валяющееся под столом харчевни. Отмытая, она была вполне сексуальна и чем-то напоминала Леру. Если Лера попросит его иногда принимать Хагру в их суружеские игрища, почему бы и нет? Не дурак же он, отказываться от такого удовольствия! Когда это жена предложит трахнуть свою подружку? Похоже, что Хагра решила ускорить события – не об этом ли они шептались там с Лерой?

Он открыл глаза и увидел опускающийся на него клинок меча. Если бы Слава был обычным человеком, меч начисто отрубил бы ему голову. Но Слава был мутантом, скорость движений которого превышала человеческую в несколько раз.

Клинок уже почти достиг его шеи, когда он со всей возможной скоростью убрался в сторону, свалившись при этом с кровати. Слава лежал справа, ближе к стене, Хагра била через Леру, метясь в него кончиком меча – главной его ударной частью. Когда Слава, получив небольшой порез на шее, ускользнул с кровати, рука Хагры дрогнула, и меч врезался в матрас и в горло Леры – разрубив его практически до самого позвоночника. Он рассек мышцы, трахею, после чего девушка буквально зафонтанировала кровью, залив ею постель, хрипя и дергаясь в судорогах. Воздух страшно сипел, пытаясь попасть к ее легким, но заполненная кровью трахея только булькала.

За то мгновение, что прошло с момента удара, Слава успел вскочить на ноги и метнуться к Хагре, стоявшей в боевой стойке и медленно, очень медленно перемещавшейся к нему и поднимавшей меч для нового удара.

Медленно – это для Славы медленно, на самом деле Хагра была смертоносна, быстра и опасна, как королевская кобра. Ее меч метался в воздухе, как оса, – она была мечником высшего класса. Славе навсегда запомнились ее глаза – без проблеска жизни, остановившиеся, как у человека, не осознающего того, что он делает, находящегося под действием наркотиков.

Хагра нанесла еще удар, но Слава уже был рядом с ней – собранный и быстрый, быстрее молнии. Короткий страшный выпад – и Хагра улетела в угол, став безжизненной, как и ее глаза.

Меч, выпавший из рук девушки, вонзился в стену с такой силой, что остался торчать, дрожа и раскачиваясь. Не обращая больше внимания на Хагру, валявшуюся подобно большой куче тряпья, Слава бросился к Лере, лежавшей в луже крови, насквозь пропитавшей матрас. Она уже не двигалась; застывшее, как маска смерти, лицо искажено гримасой, как будто она удивлялась тому, что с ней произошло. Практически вся ее кровь была выброшена из тела сильным тренированным сердцем. На шее виднелся глубокий разрез, из которого кровь еще сочилась тонкой вишневой струйкой.

На долю секунды Слава застыл в ужасе – никогда, в самых жутких и дурных снах он не мог предположить, что все кончится вот так. Он упал на пол перед кроватью и мгновенно вышел из тела. Опустившись на Леру облачком информации, увидел, что ее мозг еще жив, хотя и находится в коме – его функции угасали, свечение исчезало – Лера уходила. И что делать, он не знал.

Нужно было вначале сшить трахею, зажать все сосуды, соединить их, срастить и только потом начинать лечение. А кровь? Крови в организме почти не осталось – пока печень сделает новую, пока она разойдется по сосудам и напитает мозг, девушка за то время гарантированно умрет.

Его мозг работал, как суперкомпьютер, обрабатывая все возможные варианты. И вот он принял решение. Метнувшись, посмотрел – Хагра была жива, но без сознания. Похоже, он сломал ей челюсть. Или вывихнул. Она находилась в глубоком нокауте. Слава снова метнулся к Лере и стал вытягивать из ее мозга информацию, перенаправляя ее в мозг Хагры.

Заструились потоки, светящиеся нити информации, потом пошли густым облаком – не понимая как, Слава пропускал через себя все то, что ранее

составляло личность Леры. Мелькали картинки ее жизни: вот первые шаги крохотной девочки – мама радуется… вот они идут в школу… вот первая кровь, она пугается, а мама объясняет ей причину… вот она первый раз увидела на картинке голых мужчину с женщиной и с испугом задвинула журнальчик, запрятанный братом в укромное место… вот выпускной бал, ее поцеловал мальчик, в которого она была влюблена… вот они со Славой – счастливые и смеющиеся… вот Хагра, нависающая над ее лицом…

Поток ускорялся, ускорялся, казалось, что информация уже завывает, высасываемая как смерчем, и картинки уже сливались в этакую цветную полосу, будто кто-то запустил новостной дисплей с невероятной скоростью. Он не позволял себе думать о том, что может ничего не получиться, если что-то он и мог сделать для своей любимой, так только вот это. И он делал это, потому что каждый мужчина должен делать то, что он должен сделать. И будь что будет!

Ему казалось, что прошли уже сутки, после того как он начал выкачивать информацию, но скорее всего – минуты три или чуть больше. Информация кончилась неожиданно – мозг Леры потух, став темным, как камень.

Слава вышел из транса, встал на колени перед телом своей жены и заплакал сухими рыданиями. Слез не было, вместо них шел только какой-то кашель, как будто его что-то душило изнутри. Он поднял Леру, прижал к груди и, увидев, что ее прекрасная голова откидывается на полуразрубленной шее, болтаясь, как у плюшевого мишки, разорванного злым ребенком, дико завыл, проклиная этот мир и все вокруг!

Потом, аккуратно уложив тело на постель, пошел к Хагре, с ненавистью посмотрел в ее лицо. Его руки тянулись к горлу девушки, ему хотелось схватить ее за глотку и оторвать голову, чтобы кровь брызнула во все стороны, как у его жены. Но опомнился. Выдохнул воздух и лишь поднял бесчувственную Хагру на руки. Отнес ее в соседнюю комнату и тщательно связал ее по рукам и ногам, оставив на кровати. Теперь предстояло решить, что делать с телом Леры. И вообще, что делать?

Слава выглянул в окно – там было темно. Луна скрылась за облаками, лил полночный дождь, превращая дорогу в непролазную грязь. Он оглянулся на меч, торчащий в стене, подумал секунду, отвернулся и решительно шагнул за порог, в ночную тьму. По деревянным тротуарам, единственной защите ног пешехода от грязной жижи, он добрался до дома Главы клана. Под козырьком клевали

носом две стражницы – внешне сонные, они тут же насторожились при его появлении.

Слава оглянулся – на улице никого не было, только ливень шлепал по лужам, как ребенок ладошкой, выбивая брызги и большие серые пузыри. Стражница раскрыла рот, наверное, чтобы спросить, что ему надо в такое время у Главы, но Слава пустил псионический импульс: «Вы не видите меня! Меня нет! Меня никогда здесь не было!» Стражницы застыли, успокоились и снова сели на свои места. Слава скользнул внутрь, за дверь. Он ожидал нападения, но все было спокойно. Он поднялся наверх, прислушался – в кабинете Главы никого. В комнате через стену кто-то сопел, и Слава, подойдя к двери, осторожно ее приотворил. Думал, скрипнет, но нет, петли отлично смазаны.

Неожиданно он почувствовал чье-то присутствие за стеной спальни – двое, и они не спали. Тихо разговаривали. По разговору понял, что это стражницы возле спальни Главы. Одна жаловалась, что ей давно пора перейти в другой ранг, а Глава ее нарочно придерживает, говоря, что, когда она рядом, чувствует себя в безопасности. Видимо, это были те лучницы, что обычно стояли за отдушинами во время разговора Главы с опасными людьми.

Слава тихо подкрался и сквозь дверь пустил импульс, проникший в мозг женщин: «Спать! Вам очень хочется спать! Глаза закрываются, закрываются… спать!»

Стражницы ослабели, зевнули и тихо заснули в своих креслах. Слава вошел, заглянул в отдушину, возле которой сидела стражница, – в нее была хорошо видна кровать, на которой спала Глава. Увы, они была не одна – рядом с ней лежала обнаженная девушка, обнявшая Главу рукой и посапывающая ей в подмышку. Слава поморщился – убивать случайных жертв не входило в его планы. Он вышел из комнаты и тихо, как кот, пошел к спальне. Открыл дверь, мягкими шагами подкрался к кровати и одним ударом вырубил девушку возле Главы. Может, убил, может, просто оглушил, но она уже не двинулась. Зато теперь задвигалась Глава. Как будто и не спала только что глубоким сном, утомленная ласками своей молоденькой подружки, она вскочила на ноги и, схватив лежащий возле кровати на полу не замеченный Славой меч, немедленно перешла к атаке.

Она ничего не говорила, ничего не спрашивала, просто молниеносные атаки следовали одна за другой: засечные, подплужные, финтовые удары… Слава

видел эти действия прежде, чем они выполнялись. Все-таки он был провидцем-псиоником, о чем Глава знать не могла.

За ту секунду, что Слава приблизился к атакующей – вернее, даже за долю секунды, – она успела сделать несколько выпадов и в каждом могла рассечь его пополам, однако все они оказались безрезультатными. Подобравшись к Главе, Слава выбил меч из ее руки, сломав запястье одним коротким ударом. Другим выключил ее сознание.

Подхватив обмякшую женщину на руки, он поднял ее и, выйдя в коридор, понес к кабинету, где и посадил в кресло у стены, напротив окна. Вернулся в спальню за простыней, разорвал ее на полосы, и через несколько секунд руки и ноги Главы были крепко привязаны к подлокотникам и ножкам кресла. Подумал – добавил полосу через грудь. Потом засунул в рот воительнице кляп, затянув его полоской ткани через затылок. Готово!

Осмотрелся – увидел на столе кувшин с водой или соком, выплеснул его связанной в лицо. Никакого эффекта. Слава поморщился – придется по-другому! Вошел в транс и потянулся к ней. За несколько секунд соединил нити информации и снова вернулся в свое тело. Глава зашевелилась, открыла глаза и попыталась оторваться от кресла. Не вышло. Слава внимательно смотрел ей в лицо и, убедившись, что она поняла свое положение, тихо сказал:

– Сейчас я развяжу тебе рот. Если ты крикнешь – я убью тебя сразу, разбив голову вдребезги. Если не крикнешь – у тебя будет шанс немного пожить. Или вообще жить. Если поняла, кивни головой. Кстати, если ты крикнешь, прибегут стражницы, и я убью их всех. Мне придется. Фактически ты их убьешь ни за что. Моими руками. Тебе ясно? – Глава кивнула. – Будешь молчать? – Снова кивок. – Хорошо. Начинаем разговор! – Он подошел к Главе и, как нитку, порвал полоску ткани, держащую кляп. Глава с облегчением выплюнула тряпку и хрипло сказала:

– Что ты хочешь? Зачем?

– Что зачем? – не понял Слава.

– Зачем ты на меня напал, какой в этом смысл?

– Ты что, издеваешься? – Слава сделал шаг к Главе и открытой ладонью ударил по лицу так, что у нее вылетели кровавые слюни, а голова ударилась в спинку кресла.

– Это тебе за Леру, сука!

– Что с Лерой? – равнодушно осведомилась Глава, сплюнув кровь на пол.

– А то ты не знаешь, тварь! – Слава размахнулся и едва не врезал по ее лицу еще раз, но что-то его остановило – то ли взгляд Главы, то ли ее вопрос. Он заставил себя успокоиться и сел, рассматривая женщину перед ним. Та на удивление сохраняла невозмутимость, хотя любой другой человек на ее месте уже обделался бы со страху. Слава попытался сунуться к ней в мозг – нет, стена была на месте, мозг закрыт. Если попытаться сломать защиту, как бы не стало хуже: информация может стереться, и он тогда вообще ничего не добьется. Такие блоки, как ему говорил Учитель, керкар-псионик, были связаны с глубинными структурами мозга, и если грубо взломать его, можно потерять личность человека. Стену нужно тихонько расшатывать, делать подкопы, проскребать, а не разбивать кувалдой. Или человек, блок которого разрушают, должен этому содействовать. Желать, чтобы в мозг к нему вошли. Но времени у него не было: до рассвета оставалось несколько часов, а за это время надо много чего сделать.

– Допустим, ты ничего не знаешь. Не будем терять времени. Итак: Хагра напала на меня и пыталась убить. В результате погибла Лера. Кто послал Хагру? Ты? У меня нет времени ломать твою защиту, установленную Мудрыми. Кто дал Хагре установку убить меня? Она была под воздействием псионического посыла. Так кто дал ей эту установку?

– Я не знаю, кто дал установку убить Леру, – угрюмо ответила Глава. – Для меня это настоящий шок. Ты мне безразличен, а Лера нравилась. Я была против того, чтобы к вам применяли какие-то особые действия. Но Мудрые есть Мудрые, им плевать на нас. Ты же знаешь, что я у них под контролем? Знаешь. Так чего спрашиваешь?

– Ты приказала Хагре остаться. Что было потом? Какая из Мудрых с ней разговаривала?

– Глава Союза – Гирта. Ты ее видел в прошлую встречу. Она выгнала меня из кабинета и разговаривала с Хагрой.

– Хагра была вашим шпионом? Вы доставали из ее мозга информацию, так?

– Да. Ей была внедрена любовь к Лере. Она должна была влюбиться в нее, как только увидит, а мы за ней следить. Лера непроницаема для псиоников, и мы предположили, что есть кто-то, кто ее заблокировал. Кроме того, ее физические способности были настолько феноменальны, что она вызывала страх. Хагра влюбилась в нее, и в каждый ее приход сюда в ней псионически укрепляли любовь и привязанность к Лере. Она без нее уже не могла жить. Потом появился ты, и мы поняли: это тот самый, главный. Но я никогда не хотела такого исхода, поверь мне. Если хочешь, я попробую открыть тебе мой мозг. Если я не буду сопротивляться, не буду тебя отпихивать, возможно, ты сможешь войти.

– Хорошо. Сосредоточься и представь, что ты приглашаешь меня к себе в мозг, что тянешься ко мне, что хочешь соприкоснуться душами. Давай!

Слава снова начал долбить стену, которая представлялась ему крепостной, монолитной, до самого неба. Бывшая прежде незыблемой, на этот раз она, как ему показалось, стала вздрагивать. В ней как будто появились трещины, из которых от каждого толчка выкрашивались кусочки.

Удар, еще удар… Виртуальный Слава бил по стене голыми руками, покрытыми кровью и пылью, – ничего не дается просто так. Несколько кирпичей выпало, и в стене образовалась дыра. Слава расшатал и выломал еще десяток и проник за стену.

И сразу полетел куда-то «вниз».

Это было похоже на то, как он проникал в позитронные мозги: «внизу» что-то вроде огромной поверхности, на которой менялись картинки, образы того, что когда-то видела или испытывала Глава.

Слава сосредоточился и представил себе образ Мудрой Гирты, Главы Союза. Его тут же метнуло куда-то в сторону, и он оказался в кабинете Главы клана, невидимый и неслышный для присутствующих.

Стоп! Слава удивился: как он может видеть происходящее в кабинете, когда Главы там не было? Потом обратил внимание, что образ происходящего выглядит так, словно его показывают на экране монитора. Слава осмотрелся, прикинул траекторию взгляда и понял: Глава видела и слышала все через отдушины. А как же ее слова о том, что она ничего не знала? Впрочем, про Леру, может, и не знала, но что покушение было организовано на него, точно знала. Между тем события в комнате развивались – Слава прокручивал воспоминания, как изображение на видеопроигрывателе.

Мудрая внимательно смотрела на Хагру, застывшую на стуле, и не говорила ни слова. Вдруг Хагра забилась, выкатывая глаза и пуская пену, – сидящие вокруг Мудрые вскочили, а одна из них резко бросила Гирте:

– Какой посыл ты ей попыталась дать?

– Я хотела, чтобы она сразу убила обоих! Видимо, я ошиблась. – Растерянность Гирты была очевидна. – Она слишком влюблена в эту девку!

– Сами и виноваты! – продолжила та же Мудрая. – Держите, я сейчас ее успокою! Снимите посыл на убийство девчонки, пусть будет только мужчина, без него она не так опасна! Она ничего не умеет! Для нее придумаем что-нибудь еще!

Вторая Мудрая влила в рот Хагре что-то из склянки, и та через минуту успокоилась. Гирта снова села напротив девушки и стала смотреть в ее лицо. Через несколько минут она встала:

– Готово. Она ничего не помнит, что здесь было, а когда наступит удобный момент, все сработает.

– Жаль девчонку! – сказала какая-то из Мудрых.

– Нет места для жалости! Чужаки должны быть уничтожены! Они опасны! Сегодняшние Игры разве не доказали вам, что это самые настоящие монстры? Они могут разрушить всю нашу жизнь, все то, что мы строили тысячи лет! Мы уже обсуждали все это. Смерть, больше ничто не сможет их остановить. Хагра, встань и иди к Лере.

Девушка встала, открыла дверь и вышла – живая торпеда, ждущая своего часа.

Слава покинул воспоминания Главы – все, что он увидел, соответствовало его умозаключениям. Теперь предстояло выполнить еще одну задачу. В позитронном мозге все было по-другому, а тут… тут ему надо было найти посыл, которым Мудрые привязывали к себе глав. Он должен быть, не может такого случиться, чтобы на место Главы поставили кого-то, кто не был закреплен в верности – как Хагра, как остальные люди, попавшие под псионическое воздействие.

Слава «поднялся вверх» и дал мозгу задачу перенести его туда, где находился этот посыл верности.

Виртуальное изображение подернулось рябью, и вот он уже парит над поверхностью мозга Главы, через все извилины которого идет красная нить, пронизывающая нейроны. Слава не удивился этому образу – он ничем не хуже, чем то, что доводилось видеть в позитронных мозгах. Почему бы и нет? Чем красная нить, состоящая из слов, вереницей проходящих через мозг, отличается по сути от виртуального человека, стоящего в центре позитронного мозга? Только тем, что тут все сложнее и опаснее: каждый неверный шаг псионика мог привести к болезни или гибели «подопечного» – владельца мозга.

Подобравшись к нити, он осторожно подцепил ее кончиками пальцев и стал вытягивать из складок мозга. Посыл, как червь, шевелился, дергался, сопротивлялся насилию, потом начал поддаваться и медленно, с трудом, начал вылезать из «плоти». Слава следил за тем, как он вылезает, и осторожно наматывал его на кулак.

Ему вспомнилось вычитанное в какой-то книге – в Индии есть паразит, червь, называется «ришта». Человек пьет воду, зараженную риштой, яйца ришты идут по телу, попадают в кровь и укореняются под кожей, почему-то обычно на ноге. Там образуется нарыв, из которого торчит кончик червя, выпускающего в окружающее пространство сотни тысяч яиц (или личинок – Слава уже не помнил). Так вот этого червя убирают специальные люди – они наматывают ришту на палочку, за несколько приемов извлекая его из раны. Палочку с намотанным червем привязывают к ноге, потом процесс продолжается. И так до победного конца, пока весь ришта не покинет свою нору в плоти человека. Главное, чтобы он, этот червь, не оборвался, иначе придется начинать все заново. И Слава вынимал этого псионического «ришту», шаг за шагом, виток за витком. Ему даже казалось, что «червь» посыла шевелится у него в руках, слова-

цепочки как будто переливались оттенками красного, когда он осторожно отделял их от разума женщины.

Наконец вся нить была у него в руках. Получился здоровенный клубок. Он немного подумал, куда его девать, потом ругнул себя – он же в виртуальном мире, может делать что хочет!

Слава подбросил клубок и из образовавшегося в руках лучемета спалил его в полете. Теперь на очереди следующая задача. Посыл Мудрых выглядел как нитка – все-таки создавали женщины, – а Слава решил свой посыл сделать иначе.

Он составил нужную формулу подчинения и сделал из нее длинное копье, по «древку» которого торчали зазубрины-слова. С размаху вонзил «гарпун» в «плоть» мозга так глубоко, что наверху остался лишь кончик, который Слава забил ногой заподлицо, чтобы его и видно не было. Теперь извлечь его формулу невозможно. Более того, Слава сделал так, что если кто-то попытается наложить нового «ришту», внешне все будет выглядеть, будто посыл работает, но на деле тот не будет воздействовать на мозг – этого ему не позволит скрытый в глубине «настоящий» посыл. «Копье» заблокирует все команды «ришты».

Теперь можно было выходить в реальный мир.

Слава отправился в свое тело и через секунду сидел перед Главой, молча взирающей на него темными глазами. Прежде чем выйти из своего информационного образа, Слава еще успел вылечить сломанное запястье и разбитое лицо женщины. Теперь она была в полном порядке и принадлежала ему телом и душой. Он мог заставить ее сделать все что угодно, даже выпустить кишки и развешать их на придорожных столбах. Жестоко? Негуманно? Да. Но не он начал. За то, что он хотел помочь этому народу, он получил в ответ лишь злобу, непонимание и агрессию. Ну что же, кто с мечом к нам придет… кажется, так? Значит, так. Он не стал больше метаться в поиске информации. Теперь было проще спросить – она больше ничего не утаит.

Слава сорвал с женщины привязи и сказал:

– Теперь ты – моя. Ты это поняла?

– Да, поняла.

– Никто не должен об этом знать. Где я могу найти Гирту?

– В Доме Мудрых. Позади моего дома.

– Охрана там есть?

– Нет. Никто не может покуситься на Мудрых – за это смерть. Таков закон.

– Сколько там комнат, как расположены?

– Три наверху и четыре внизу. Это спальни. Еще два кабинета и библиотека.

– Из тех Мудрых, что там сейчас, все были за убийство или кто-то протестовал?

– Все. Они были напуганы вашими успехами на Играх и приняли решение единогласно.

– Это хорошо, это облегчает дело… – жестко сказал Слава. – Проводи меня до выхода. Кстати, погляди, жива ли твоя любовница?

Глава вышла и через минуту вернулась:

– Да, жива. Спит. Ты ее только оглушил.

– Вот еще что – веди себя так, как прежде, чтобы никто не догадался, что ты под моим контролем. Никому об этом не говори. Когда загорится Дом Мудрых, не спеши высылать людей его тушить – пусть разгорится как следует. Завтра я к тебе зайду, поговорим.

– Поняла.

– Раз поняла – пошли.

Слава вышел из комнаты, спустился по лестнице и дождался, когда Глава пройдет мимо него, пропуская ее вперед. Она вышла на крыльцо, под взоры вытянувшихся в струнку охранниц и сказала вслед спустившемуся Славе:

– Жду тебя завтра!

Охранницы переглянулись – похоже, они подумали, что Слава и Глава побывали в одной постели. Конечно же ничего не сказали, оставив соображения при себе, но Слава был уверен, что теперь все вокруг и вся Ярмарка будет знать, что он спит с Главой. Да и черт с ними.

Он быстро пошел в сторону, уходя от глаз стражниц, потом, сделав полукруг, вернулся, обходя дома с тылу.

Войдя в Дом Мудрых, он даже не старался соблюдать тишину – запер дверь изнутри и вошел в первую комнату налево. На кровати спала женщина, даже не проснувшаяся при его появлении. Он подошел к ней и одним движением свернул шею. Потом последовала еще комната – напротив, затем еще и еще. Женщины умирали в своих постелях, во сне, а он шел как ангел смерти, запретив себе думать о том, что делает. С тех пор как он перестал быть гладиатором, Слава никогда так много не убивал своими руками. Тем более женщин.

Гирта была в последней комнате – видимо, она не спала; на ней был капюшон, и она спокойно стояла и смотрела, как к ней подходит Смерть.

Слава ничего не стал говорить. Он ударил ее в челюсть, потом бросил на постель и вошел в транс. Ему нужна была информация. Увы, защиту сломать оказалось сложно. Он бился около часа, но так и не смог это сделать. Она была поставлена безукоризненно и отбрасывала его раз за разом. Слава посмотрел в окно – горизонт уже светлел, у него оставалось очень мало времени. И тогда он просто сломал ей шею, как и другим.

Домой он уже бежал. С болью в сердце снова увидел тело Леры, спокойно лежащее на простынях. Он сел перед ней, не в силах двинуться, потом заставил себя встать и подошел к торчащему в стене мечу. Выдернув меч из стены, подошел к заскорузлой от подсохшей крови простыне, отрезал большой кусок и острым, как бритва, клинком стал нарезать его на квадратики. Квадратики сложил на столик рядом. Сходил на кухню и нашел несколько бутылок,

прихотливо выдутых местными мастерицами. Он хорошенько их промыл, нашел пробки, затем вложил внутрь свернутые в жгуты кусочки, пропитанные кровью. Бутылок было пять. Три он закупорил, немного подумал, срезал с предплечья Леры два кусочка кожи, положил их в окровавленные «платочки», тоже свернул жгутом и засунул в бутыли. Отнес бутыли в подвал, затем вернулся за генератором и отнес его туда же. Бутылки прикопал в разных местах, запомнив их расположение. Генератор тоже прикопал – у стены. Пусть охлаждает спрятанное под землей – когда еще доведется сюда вернуться.

Поднявшись в спальню, лезвием меча срезал клочок жестких Лериных волос, завернул в чистый кусок ткани, взял его с собой.

Аккуратно завернул Леру в остатки простыни и еще накрыл одеялом. Затем легко, как маленького ребенка, поднял ее тело на руки и пошел на выход.

Через пятнадцать минут он уже входил в Дом Мудрых. Тут так и царила мертвая, просто мертвецкая тишина. Он занес Леру наверх, положил на стол в библиотеке и раскрыл покровы, чтобы в последний раз увидеть любимую.

Она лежала тихая, беззащитная, такая маленькая и хрупкая, как фарфоровая статуэтка. Он понимал, что это только оболочка, что Леры тут нет, это всего лишь тело, но ему хотелось выть, как волку.

Слава поцеловал ее в губы и снова накрыл одеялом. Затем захватил охапку бумаги и пошел вниз. Нашел кухню – там стояло много кувшинов с маслом, он даже нашел пару кувшинов с чем-то вроде спирта или скорее крепкого самогона. Вылил их на стены, на пол, прошелся по всем комнатам, поливая маслом. Затем пощелкал кресалом – его всегда раздражал этот способ добычи огня, но деваться было некуда – зажигалок-то не было.

Он выругал себя, что не взял игловик, который лежал на столике в кухне, им бы он зажег все на раз. Но после длительных манипуляций трут все-таки задымил, дал огонек, и Слава поджег пропитанные самогоном тряпки. Они весело запылали, Слава бросил их к стенам, к пропитанным маслом листам бумаги, и огонь охотно начал уничтожать то, что построили люди.

Когда пламя уже гудело и подпаливало волосы, Слава вышел из дома, отходя в темноту. Огонь еще не вырвался наружу, но маленькие окошечки, застекленные

дефицитным и дорогим стеклом, уже отбрасывали отблески пламени на пространство вокруг дома. Скоро показался черный дым, стекла окон лопнули, и огонь радостно заплясал по деревянным стенам здания, унося в небо палачей и их жертву.

Славе жгло глаза, но он не мог заплакать – у него отняли даже эту возможность. Теперь он был один, на чужой планете, в чужой Вселенной. Один, если не считать разумных многоножек и Хагры – то ли оставшейся Хагрой, то ли… он не знал, что в результате получилось. Он сделал это по наитию, не имея никакого опыта. И потому… он просто стоял и прощался со своей любимой навсегда.

Вокруг уже суетились люди, не пытаясь потушить пожар – скорее отливая соседние дома, боясь за их сохранность.

Слава ушел от пожара лишь тогда, когда от дома ничего не осталось, кроме раскаленных углей и едкого дыма, поднимающегося к небесам.

Наступило утро, встало солнце, и он устало побрел к дому Леры, ставшему теперь его домом.

Глава 3

Он зашел в комнату, где лежала девушка, и долго смотрел на нее, без мыслей, без эмоций. Для него сейчас она была не Хагрой, а неким сосудом, в который он перелил сущность Леры (или не перелил?). Что с ней будет, Слава не знал. То ли это Лера в новом теле, то ли это Хагра, которой добавилось знаний. То ли… Он не знал, что это, потому запрещал себе думать о результатах его опасного и авантюрного поступка.

Слава присел на краю кровати, на которой лежало тело Хагры, и задумался, проверяя себя: все ли он сделал для Леры? Может, стоило попробовать и все-таки полечить ее? И в который раз приходил к выводу – это невозможно. Если бы не ее способность к регенерации, она бы вообще не продержалась столько времени, чтобы он мог перекачать ее личность в Хагру. Ну что такое регенерация? Да, усиленная способность восстанавливать ткани. Но не

мгновенно же! На это надо часы, на это надо, чтобы мозг мог отдавать приказы клеткам тела – восстановиться! А как он мог это сделать, когда меч Хагры дошел до позвонков и практически перерубил их?! Удар был такой силы, что клинок практически пополам перерубил доску, служащую основой кровати. Надо отдать должное Хагре – она была очень сильна. Да, с мутантами типа Леры и Славы она сравниться не могла, но повышенная сила тяжести и ежедневные физические упражнения с самого детства сделали свое дело. Она была, если так можно выразиться, профессиональным спортсменом-бойцом, добившимся на этом поприще высших результатов.

Все шейные сосуды Леры были перерублены – за те секунды, что он разбирался с Хагрой и соображал, что делать, ее кровь полностью покинула тело. Организм Леры не успел бы восстановить необходимый уровень крови за те минуты, что были отпущены Славе на принятие решения. Даже модифицированный мозг живет всего несколько минут. А время на соединение сосудов? А время на соединение трахеи, пищевода… В общем, он сделал все, что можно. Времени у него не было.

Теперь оставалось лишь убедиться, получилось ли перенести Леру в другое тело. Леру? Да, Леру. Ведь что такое человек? Это база данных, это огромный опыт, накопленный им в результате впитывания информации. Человек рождается маленьким, голеньким и пустым, как винт компьютера. Постепенно в него вводится все, что нужно ему для жизни, – язык общения, информация об устройстве мира. Он живет, получает опыт от соприкосновения с миром, и каждое прикосновение накладывает отпечаток на личность. Человек состоит из битов информации, буквально слеплен из них. Когда Слава принимал решение о переносе личности, его озарило: если он может перенаправлять потоки информации компьютеров – почему он не может собрать и перенаправить информацию из живого человека? Его душу, если можно так выразиться. И он сделал это.

Возможно, что эта новая, наложенная им на личность Хагры, информация просто стерла ее личность, и теперь в этом теле Лера. Ведь когда на компьютер устанавливаешь новую систему, прежняя «личность» этого компьютера уничтожается – исчезают установленные программы, исчезает то, что делало эту личность неповторимой. А возможно, они, Лера и Хагра, наложились друг на друга, смешавшись, как вино в коктейле. Узнать это он мог только тогда, когда «Хагра» очнется. Но та была то ли в коме – он сильно ее ударил, – то ли в некоем

трансе, после того как он вложил в нее личность Леры.

Слава подошел к девушке и потряс ее за плечо – никакого результата. Она лежала с закрытыми глазами и тихо сопела аккуратным носом. Слава осмотрел ее челюсть – опухла, но цела. Он не сломал ее, только выключил девушку, как искрящую от замыкания лампу.

Слава лег рядом, закрыв глаза. Он вышел из тела и опустился на ее мозг, обследуя его на предмет «посыла». Да, «ришта» был тут. Красная нить, пронизавшая клетки мозга. Слова тянулись цепочкой и как будто шипели, сопротивляясь его «рукам». Гадкая нить «посыла» извивалась, как будто чуя того, на кого была нацелена, но через десять минут сдалась и повисла на «руках» виртуального Славы. Он уничтожил клубок этой пакости и стал смотреть дальше. Вот она, наведенная любовь к Лере, – целая паутина розовых нитей опутывала мозг девушки и настолько плотно, что не было никакой возможности все распутать и удалить. Впрочем, может, и была, но стоит ли это делать? Ну любит она Леру и пусть любит! Пусть…

Слава перебрался на равнину воспоминаний – тут было такое месиво! Память Хагры смешалась с памятью Леры – картины менялись местами, куда-то улетали, перемещались, кружились, как осенние листья, схваченные руками холодного ветра. Слава с ходу влетел в чье-то воспоминание – скорее всего Леры, потому что она видела голову Хагры на своем бедре. Слава выскочил из него, как из проруби, наверх: он не хотел смотреть на игрища жены и ее подружки. Так-то ему наплевать – Лера же не с мужиком занималась сексом, измены в общепринятом понимании не было. В отличие от мужчин-гомосексуалистов, розовые девицы не вызывали у Славы отвращения или протеста. Скорее всего, их отношения были всего лишь результатом отсутствия мужчин. Не зря Хагра бисексуальна – ну где взять мужиков-то? А ведь тело требует, хочется наслаждения… ну, и отношений тоже. В обществе амазонок не могли не развиться гомосексуальные отношения: если чего-то недостает, тех же мужчин, природа заменяет это по-своему. Стоит наладиться нормальной жизни, когда каждой женщине будет соответствовать мужчина, как и положено, и куда только денутся их розовые пристрастия.

Пошарив в мозгу Хагры, Слава обнаружил ее эротические мечты – в них Слава и Лера удовлетворяли Хагру, при этом Слава был груб, жесток, буквально насаживая ее на себя, как бык или жеребец в порыве сексуальной горячки. Слава даже хмыкнул про себя: она мечтала о его теле, желая, чтобы он овладел

ею грубо, как зверь, но при всем при том ненавидела его за то, что он отнял у нее любимую подругу. А ведь он отнял ее! После того как появился, Лера больше с ней не спала. Ну, может, они и тискались там где-нибудь потихоньку, подальше от его глаз, но положение, когда подруги спали в одной постели, больше не повторялось и скорее всего не повторилось бы никогда.

Слава осмотрелся: воспоминания летели, мелькали, перед его глазами вставали то картинки из жизни Леры, то картинки из жизни Хагры – интимные тайны, секретики, которые они скрывали от окружающих, – все это он мог увидеть, только лишь захотеть. Но надо ли? Пусть остаются их маленькие тайны. У каждого человека есть в жизни такое, что он никогда никому не расскажет.

Слава сделался маленьким и взлетел над мозгом Хагры, чтобы понаблюдать, как укладываются возбужденные воспоминания: ему показалось, что они ложатся как-то кучно – Лерины к Лериным, Хагрины к Хагриным. Пока он не понял, что бы это значило, но, судя по тому, что увидел, в голове девушки образовывались две информационные структуры. Слава нахмурился – информация Хагры, замещаясь информацией Леры, не стиралась, а перемещалась в другие уровни мозга. Что это значило? А значило это то, что в теле могут образоваться две независимые друг от друга личности! Лера и Хагра в одном теле – что получится? Борьба за овладение телом? Душевная болезнь в раздираемом двумя личностями мозге? Это было плохо. Просто скверно. Он все-таки надеялся, что информация Леры сотрет Хагру, и сделал для этого все. Но почему так не случилось? Почему? То ли у него не было опыта, то ли… Лера не хотела уничтожать Хагру. Она тоже любила ее. Не так, как Славу, скорее как подругу, как сестру. Но реально любила и не хотела ее смерти. Потому файлы с ее информацией легли в свободные ячейки и теперь в мозге этого существа, по сути химеры, Леры-Хагры шел круговорот, и чем он закончится, было совершенно непредсказуемо.

Слава вышел из транса, встал и проверил путы на теле девушки. Они были завязаны крепко, и он слегка ослабил натяжение – чтобы не пережать сосуды. Но и отпускать не стал – мало ли…

Отправившись на кухню, соорудил себе бутерброд, съел его, как автомат, не заботясь о вкусе. Сделал еще один и тоже съел, медленно жуя и глядя на стену перед собой. Ему надо было восстанавливать энергию, которую он потратил на ночные карательные экспедиции. Что будет, когда обнаружат трупы сгоревших Мудрых? Впрочем, трупов не будет, при такой температуре они должны сгореть

дотла. И кто будет считать, сколько там костей осталось в пепле… а может, и не осталось? Может, они вообще рассыпались в прах?

Он заставил себя встать, пошел в комнату рядом с кухней и, упав на кровать, закрыл глаза – ему надо было поспать: начался «отходняк» после происшедшего. Его трясло, перед глазами вставали то лицо окровавленной Леры с синими губами, то трупы Мудрых, то пожар, уносящий горячим дымом то, что было ему дорого и что составляло единственную ценность в его жизни.

Спал Слава часа два. Как Штирлиц, он приказал себе встать через определенное время, и организм подчинился. Что-что, а в выносливости и устойчивости к перегрузкам его организм был впереди планеты всей.

Вскочив, он снова «заправился». Быстро съел здоровенный кусок грудинки, запив его половиной кувшина сока. Стало немного легче. Мужчина вообще проще переносит тяготы и стрессы, если он сыт. Стоит мужику проголодаться, и все у него валится из рук, он становится злым, вредным и готов растерзать весь мир. Но как поест – вроде и ослабевает желание убить всех Мудрых, а потом пойти карающим мечом через всю прерию.

Слава зашел к комнату с Хагрой, чтобы проверить ее состояние; промассировал ее связанные руки и ноги для восстановления кровообращения, осмотрел ушибленную челюсть – он ее «подремонтировал», пока копался в мозге девушки, – опухоль спала, и скула приобрела нормальный облик. Только синяки еще сошли не до конца. Посмотрел зубы – все целы. И то хорошо. Очнется – будет нормально жевать.

Он уже начал понемногу привыкать к мысли, что Лера теперь в теле Хагры, и поймал себя на том, что мысленно обращается к ней, как к живой. Горько усмехнулся, вышел из комнаты и направился вниз, где на вешалке висел плащ Мудрых. Набросил его на себя, закрыл голову капюшоном – чем меньше внимания привлечет, тем лучше.

– Мудрая, ты к Главе? Как хорошо, что хоть одна осталась в живых! Ой, это не Мудрая! Ты хочешь видеть Главу? Сейчас я ей доложу! – Стражница стремглав кинулась в дом, так что ее килт взметнулся при развороте. Видимо, уже доложили, что Глава якобы спит со Славой, и теперь он был как бы в статусе фаворита. А может, помнили о его успехах на Играх – в любом случае она

восприняла его как важное лицо, гораздо выше статусом, чем была сама.

– Иди, она тебя ждет! – Стражница любопытным взглядом проводила мужчину и вздохнула – ей, по ее рангу, еще не скоро соединяться с мужиком! Уже и забыла, как хорошо это бывает. Может, подкопить денег да купить внеочередное посещение? Хорошо Главе – все к ее услугам: хочешь мужика – так вот он, сам пришел! Странный все-таки этот мужчина – ходит сам по себе, без охраны… Впрочем, чего ему бояться, победителю Игр? Это его теперь боятся…

Она отвернулась в сторону и продолжила наблюдение за проходящими по улице знакомыми и незнакомыми женщинами – делать-то все равно было нечего, время идет, дежурство когда-нибудь да закончится.

Глава сидела в кабинете и разговаривала с сотницами. Увидев Славу, она кивнула ему и предложила присесть, пока разберется с подчиненными. Их разговор касался каких-то административных решений, сбора налога с торговцев, но быстро все завершилось, и сотницы были выпровожены за дверь.

Слава без предисловий и лишних слов предложил:

– Мне нужно, чтобы ты свела меня с главами северных кланов, теми, с чьих земель везут странные штуки, такие как у меня на руке! – Он показал на пристегнутый игловик. – Мне нужно разрешение на посещение их территории. И доступ ко всем точкам на ней, что меня заинтересуют. Можешь это устроить?

– Пойдем. Покажешь, что тебя интересует, а потом подойдем к нужной Главе клана, – предложила женщина и встала из-за стола.

Через несколько минут они уже пересекали черту ворот, направляясь к торговым рядам. Ночная трагедия никак не повлияла на торговую жизнь огромного базара – Ярмарка шумела, кричала, смеялась, пахла жареным мясом и пролитым пивом. У торговых рядов торговалось и суетилось множество разнокалиберных женщин, ругались извозчицы и кричали друг на друга покупательницы, спорящие за одновременно уцепленную юбку или кусок ткани.

Глава повела Славу в дальний угол, показывая на цвета – черный с серебром:

– Вот тут смотри. Если у них нет, значит, ни у кого нет. Эти штуки не так часто появляются на рынке – на них нет спроса. Кому нужны эти бесполезные штуковины?

«И действительно – кому?!» – усмехнулся про себя Слава.

Столы, на которых лежали товары, были накрыты брезентом во избежание случайного дождя. В основном на них лежало оружие: как пояснила Глава, если их клан отличался разведением лошадей, свиней, ткачеством, то северяне добывали металл и ковали лучшие в этом мире мечи, ну, и остальное тоже – ножи, кинжалы, топорики. А также у них были копи серебра, а значит, украшения.

Слава, проходя мимо одного из столов, заметил что-то вроде симпатичного серебряного медальона, или же кулона, на серебряной цепочке. В его центр был вделан небольшой камешек, блестевший в солнечных лучах ярким светом. Слава спросил его цену – оказалось что-то около двадцати золотых, и он его купил. Медальон был открывающийся, вроде небольшого ковчежца. Слава решил поместить туда Лерин локон. На всякий случай.

Больше ничего заслуживающего внимания он не увидел и уже развернулся, чтобы идти назад, разочарованный результатом, когда его взгляд выхватил под прилавком знакомую вещь, заставившую застучать его сердце.

Под столом лежал армейский лучемет – полуразбитый, с оторванной батареей, как будто побывавший в мясорубке, но это был он. Слава подошел к продавщице, скучающей у стола, и спросил:

– Скажи, а что за штука лежит у тебя там, под столом?

– А я, думаешь, знаю? – хмыкнула женщина, прожевывая кусок лепешки, намазанный медом; мед капнул с края, и она, ловко подхватив каплю пальцем, отправила в рот, громко чмокнув. – Ну штука. И чего? Хочешь купить? Один золотой!

Ее глаза загорелись живым огнем, увидев Славин интерес, но, когда он равнодушно покачал головой, продавщица потухла и сварливо сказала:

– А раз нет, так и иди к себе в Мужской Дом, трахай маменек! И не мешай честным женщинам торговать, отвлекая их от дела!

Делом ее было откусывание сразу половины куска и запивание его половиной кружки травяного отвара. Очереди возле ее товаров как-то не наблюдалось, что и сообщил Слава в следующем своем обращении к этому олигарху торговли. Олигарх сразу же послала его по адресу, куда он в общем-то любил ходить, но только к более симпатичным и гораздо более чистым обладательницам оного пункта назначения. О чем тоже довел до сведения дамы, отчего та пришла в совершеннейшее неистовство, грозящее вылиться в попытку расправы над хамом, и, как следствие, могла получить сломанные руки и ноги. Несчастная не подозревала, что мужчина находится в отвратительнейшем настроении и у него не заладились последние сутки…

Глава остановила крики торговки, попросту треснув ее кулаком по башке так, что этого, наверное, лучше не сделал бы и Слава. Та улетела внутрь фургона, затихнув там и прекратив сотрясать воздух.

Глава перевела дух и предложила:

– Вон там сидит Глава клана Юсаннон, ее имя Зимера. Нечего было с этой дурой говорить: увидел интересное – и сразу сказал бы мне. Я бы все уладила. Хватай эту штуку и пошли!

Слава вытащил лучемет, мельком оглядев его со всех сторон, и через пять минут они уже сидели за столиком под навесом; перед ними стояли парящие чашки с горячим травяным отваром, и Зимера с удовольствием разглядывала Славу, откинувшего капюшон:

– А я думала, что ты только с девочками балуешься, подруга! Смотри-ка, какого мужчину себе нашла! Может, поделишься по-дружески, а? Все-таки не раз вместе охотились! Я тебе давала моих девочек, не забыла?

– Он не мой мужчина, он сам по себе, – туманно объявила Глава. – Мне нужно кое-что у тебя спросить.

– Не твой мужчина? Как это может быть? Тогда отдай его мне, раз он ничей! У нас с мужчинами совсем плохо. Мало, и те не самого высокого качества. – Не слушая продолжила Зимера, облизнув красные полные губы.

Ей было лет тридцать, и, хотя она не была так мускулиста, как здешняя Глава, в ней чувствовались сила и грация, как в холеной, породистой кошке. На взгляд Славы, она была вполне даже ничего в сексуальном плане. Однако в его ближайшие планы не входило удовлетворение глав кланов… хм… если только это не понадобится для дела.

– Отвлекись, Зима! Не до того сейчас! Мне нужна твоя помощь.

– Просишь помощи, а сама не хочешь поделиться мужчиной! Что, от него убудет, что ли? Ты самолюбивая эгоистка и всегда такой была! У нас совсем дохлые мужики какие-то… И беременностей от них мало, – внезапно посерьезнела она. – Ты слышала, что у нас война идет? Два клана уже вырезали! Я говорила Мудрым: нам надо мужчин, иначе мы перережем друг друга! Все равно как с горы крикнула – одно эхо, и никакого результата. У вас тут, на юге, хотя бы сколько-то осталось, и глянь, какие приличные! Женоподобный только немножко, но это добавляет пикантности!

– Да заткнись ты! – рассердилась Глава. – Скажи, что мы хотим узнать, а потом, если сможешь с ним договориться, он тебя всю с ног до головы оттрахает! Слав, ты как, готов отодрать эту чертову бабу? Похоже, иначе с ней ничего не обсудишь!

– Если сможет положить мою руку, прижать к столу, тогда мы с ней запрыгнем в постель. Не сможет – пусть удовлетворяет себя сама. Но вначале – информацию, – равнодушно ответил Слава (он уже попытался просканировать мозг Зимеры, но там стояла стена: похоже, Мудрые оградили всех Глав, и это понятно.)

– Ну ты и наглец! – восхитилась Глава. – Мужчинка, и сможешь положить мою руку?! Хм… впрочем, ты не тот ли мужчина, что победил в Играх?! Ух ты-ы! Точно, он! Похоже, что мне ничего не светит. Но я все равно попробую, а вдруг повезет! Не откажешься от своего слова?

– Не откажусь. Только давай информацию: откуда у вашей торговки вот эта штука?

– У грессов отбили. Когда делали налет на их селение. Они что-то обнаглели, начали соваться в жилые территории, мы немножко их поучили уму-разуму. Их мужиков не было, так мы немного пощипали баб и детей, кого успели. Теперь будут знать, как угонять наших свиней!

– Кто такие грессы?

– Хм… ты что, не знаешь, кто такие грессы? Впрочем, что это я, ты же пустоголовый мужчина… Ладно-ладно, не злись! Вы, мужчины, такие нежные, такие обидчивые… прямо-таки не скажи ничего. Грессы – это такие вредные твари, которые скачут на четырех ногах, имеют руки, как у человека, и очень ловко метают небольшие копья и камни из пращи! А также дерутся дубинками из железного дерева, и, надо сказать, очень ловко дерутся. – Зимера задумчиво потерла шрам на подбородке, почти не портящий ее миловидное лицо. – На юге их всех перебили, так они на севере в леса ушли, там и сидят, иногда набеги делают. Вот после набега мы их выследили, вышли на деревеньку и перебили всех, кого смогли взять. Эти твари ловко скачут, очень быстрые. Всего десяток смогли убить, и то каких-то убогих… В общем, вот эти штуки бывают у них, а где они их берут, не знаю.

– Они на каком языке говорят?

– На языке грессов, конечно. Ну и на нашем тоже – мы с ними уже тысячи лет воюем, уж точно наш язык знают. Ну и мы их язык… немного.

– Да, давненько их тут не видали, – с удовольствием подтвердила Глава. – Моя бабушка говорила, что ее бабушка ей рассказывала, будто грессы забирались и в наши края, но очень, очень давно. Они вытаптывают посевы, тупые дикари. Только вред от них. Так что если их всех перебьют, хуже не будет.

– Это ты точно сказала, хуже не будет! – усмехнулась Зимера. – Ну что, давай тягаться, может, все-таки мне сегодня удастся утолить голод по мужчине!

Слава молча выпростал руку из плаща. Зимера уцепилась за нее своей жесткой, в мозолях от меча ладонью… и через секунду уже ругалась, пытаясь приподнять

руку от стола.

– Так нечестно! Ты сразу начал, я не ожидала! Давай ты командуй, подруга, а мы по команде начнем!

Слава кивнул и снова поставил руку на локоть. Зимера уцепилась, Глава приказала начать, и лицо воительницы покраснело от усилия. Слава подождал секунд двадцать, потом медленно и плавно, даже особо не напрягаясь, прижал ее руку к столу. Зимера посидела в ошеломлении, потом тихо сказала:

– Сто золотых!

– Чего сто золотых? – не понял Слава, подымаясь из-за стола.

– Сто золотых за ночь с тобой! Да что ночь – за час! Двести! Двести золотых!

– Спасибо, – криво усмехнулся Слава, – у меня есть деньги.

– Пятьсот! Такие деньги! Ну ты чего?! Семьсот!

Слава и Глава уже отошли метров на пятьдесят от несчастной любвеобильной Зимеры, когда услышали:

– Тысяча-а-а!..

Слава не стал оборачиваться, а Глава с улыбкой покачала головой:

– Совсем озверела! Она всегда любила мужчин, но, если уж Главе не достается ничего, представляешь, каковы у них дела? Кстати, если ты собираешься отправиться к источнику этих вещей – не советую. Грессы не разговаривают с двуногими. Они просто их убивают.

– Что-то это мне напоминает! – угрюмо пробормотал Слава. – Посмотрим. Может, и не понадобится к ним идти. Я сегодня уезжаю. Тебе поручение – следить, чтобы дом Леры… мой дом, никто не тронул. Чтобы не ограбили, не обобрали и не присвоили. Что хочешь делай, но чтобы он был цел. И еще… Я пойду в конюшню за лошадьми – прикажешь, чтобы они выдали мне коней. Они же

записаны на Лере, а ее теперь нет. И еще вот что: мне нужно увезти отсюда Хагру. Она без сознания. Как мне ее везти? Что посоветуешь?

– А она еще жива? – удивилась Глава. – Я думала, что ее уже нет. Ну а что без сознания… две лошади, между ними специальная брезентовая лежанка – так перевозят раненых. Всего делов-то…

– Вообще-то знаешь что? Через два часа возле моего дома должны стоять лошадь для меня, та, большая, вьючная лошадь, на нее положи палатку, продукты, вещи, что нужны для севера, и две лошади с лежанкой. Я буду ждать. И денег положи туда – вдруг придется что-то купить в дороге. Не хочу бродить по конюшням и чего-то организовывать. У тебя это лучше получится.

– Хорошо, сделаю, – кивнула головой Глава. – Все, что нужно, положу.

– Как люди отреагировали на смерть Мудрых? Что говорят в городе? – неожиданно вспомнил Слава.

– Ну что… Решили, что кто-то из них опрокинул масляный светильник и все сгорели, задохнувшись в дыму. В общем-то всем не до них – Ярмарка есть Ярмарка. Послали за Мудрыми в их Союз, недели через две будут здесь. Одна или несколько – не знаю. Я могу идти? У меня еще дела. Через два часа караван будет готов.

Слава молча кивнул головой и пошел к своему дому. Нужно было подумать, что делать дальше.

Темнота. Она плавала в ней, растворившись как кусочек сахара в кипятке. Это было бесконечно, без времени, без пространства, только темнота. Она не осознавала себя, только знала, что существует. Где? Где-то…

Потом кусочки ее сущности начали слипаться. Они, как будто снежинки, кружились, кружились, несомые ветром, и, касаясь друг друга, слипались в огромный ком. Наконец, ком стал настолько большим, настолько уплотнился, что стал постепенно осознавать себя.

– Кто я? Я мыслю, значит, я существую! Где это сказано? Кто сказал? На Земле! Что такое Земля? Что-то знакомое… Земля… Слава! Слава!

Сущность уцепилась за это слово и потянула к себе остальные «снежинки», закружившиеся, как в хороводе, и вереницей слетавшиеся на «ком».

– Я Лера! – обрела себя сущность. – Я Лера. Где я? Почему я ничего не вижу, не слышу? Почему я не могу шевелиться? Где вообще я нахожусь? Хагра меня убила! Я в потустороннем мире? Он что, и правда существует? А я-то, дура, не верила… Бедный Слава… бедный, бедный… как он страдает сейчас! Как бы не поубивал их всех там. Бедная Хагра – она так любила меня! Они ее заставили, я знаю, я видела ее глаза. Она была не в себе. Мерзкие твари! Бедная девочка… наверное, Слава убил ее. Хагра, Хагра…

– Кто здесь?! Кто меня зовет?

– А ты кто?

– Я – Хагра! А кто ты? Демон? Как ты оказался во мне? Или… я сошла с ума?

– Я – Лера. Хагра, где я?

– Лера?! Лера… как так может быть?! Я же убила тебя, я помню! Я не хотела, прости меня, Лерчик, я правда не хотела! Я убила, но не хотела! Руки, ноги сами шли! Я бы никогда тебя не ударила, никогда бы не причинила тебе вред! Я била по Славе, а попала по тебе. Мне нет прощения… я мерзкая тварь, тварь, тварь! Я хочу умереть!

– Стоп! Где я? Умереть всегда успеем! Ты хочешь сказать, что мы сейчас в одном теле? То есть я у тебя в голове?

– Наверное… я не знаю… я слышу тебя. Я помню, как я ударила по Славе, он увернулся, и удар пришелся по тебе. А потом вспышка, и я больше ничего не помню. Только тебя с перерезанным горлом. Я убила тебя? Мы с тобой в Звездных Чертогах? А где тут комнаты с серебряными гвоздями, где прекрасные мужчины и женщины, прислуживающие нам? Или мы не заслужили Чертогов и нас сбросили в ущелье, к демонам?

– Нет никаких Чертогов. Чушь это все. Давай рассуждать: мы обе где-то находимся – в каком-то месте. Как-то умудряемся мыслить. Даже говорить. Значит, мы должны в чем-то находиться. Как мы тут оказались? Я, предположительно, умерла. Ты – тут вопрос интересней… Слава тебя либо убил, либо… скорее всего, просто вырубил. Я умирала, и по той информации, что у меня есть, воскресить, щелкнув пальцами, нельзя. Значит, он должен был перекачать меня в какое-то тело. Какое? Только твое! Оно было ближе всего. И мы в твоем теле. Ну что, привет, подруга! Ближе, чем теперь, нам уже не быть, не правда ли?

– Я не понимаю… как это может быть? Слава… он что, колдун? Как так может быть?

– Ну как бы тебе сказать… Он – Мудрый, если перевести на ваш язык. И такой силы, что ваши Мудрые в сравнении с ним как перворанговые против тебя. Меня интересует другой вопрос: почему мы не ощущаем тела? Почему мы все плаваем в этой темноте? Хм… наверное, вот так: информация залита, но она не укоренилась. То есть она болтается по мозгу, и мы не можем осознанно управлять телом. Однако, судя по тому, что рассуждаем и существуем, тело живет. Но это и понятно: его первичные функции – дыхание, поддержание процессов в теле выполняются помимо воли. Просто мы не соединились с телом и потому не можем им управлять. Нам нужно попробовать почувствовать тело.

– Как это? Я не поняла, что ты говорила! – В голосе Хагры чувствовалась паника. – Что я должна делать?

– Мы должны почувствовать тело. То есть представь себе, что ты шевелишь пальцами, что ты открываешь глаза, что ты что-то говоришь! Я тоже попробую это сделать – кто-нибудь из нас да сможет. А второй будет видеть и слышать через него. Наверное. Я сама ничего не знаю и могу только предполагать! Пробуй!

За Славой тянулся караван из трех лошадей, на двух, идущих за ним, были навьючены продукты, какие-то мешки, видимо палатка и одеяла. Но самое главное – между лошадьми, идущими бок о бок, был укреплен этакий небольшой помост или скорее носилки, на которых лежало тело Хагры. Он развязал ее путы – все равно бесполезны: она так и не пришла в себя, хотя с момента трагедии прошло уже более двух суток.

Слава уже сутки был в дороге. На предоставленных Главой лошадях он выехал из города, закутанный в плащ, скрывающий его тело с головой, похожий на любую торговку, приехавшую на Ярмарку. Никто не обратил на него внимания, ну, кроме возчиц, ругавшихся, что им перегородили дорогу, но затихавших, видя накрытое одеялом тело между лошадей Они делали рукой жест, отгоняющий демонов, – мало ли что случилось с этой женщиной, лежавшей на носилках, может, она проклята, и тогда проклятие может перейти и на них: ведь всем известно, что проклятия бывают прилипчивы и из-за них некогда вымирали целые кланы, покрываясь нарывами и умирая за считаные часы. Никто и не смотрел на ту, что сидела на лошади впереди и вела караван, торопясь скорее проскочить опасное место.

Дорога была спокойна, хотя навстречу иногда ехали группы женщин – и воительницы, и мастеровые люди, решившие посетить Ярмарку. Они тоже подозрительно косились на носилки и не задавали вопросов фигуре на передней лошади, очень сильно напоминающей Мудрую. Чего лезть к Мудрым? От них одно беспокойство и неприятности…

Перед вечером Слава свернул с дороги, ища место для стоянки. Он нашел его у озерка, благо что таких озерков по прерии было немереное количество. Расседлал лошадей, запомнив, как на них располагается сбруя, – иначе потом не заседлаешь как следует, – и занялся установкой палатки. Тут проблем особых не было: палатки есть палатки – принцип один во всех мирах. В походы с классом он ходил пару раз, так что знал, как ставить это сооружение. Палатка была добротная, на пять человек, так что двоим там места вполне хватало. Был еще и навес – как он понял, для вьючных мешков.

Затащив груз под этот навес, Слава поднял тело Хагры и уложил его на одеяла внутри палатки. Еще раз осмотрел – повреждений нет, здоровое и даже очень привлекательное тело… Ругнул себя – не те мысли в голове. Не хватало еще использовать лежащую в коме бабу! Маньяк он, что ли…

Устроившись поудобней, начал массировать ее руки, ноги, разгоняя кровь – он слышал, что, если не делать этого, образуются пролежни, кровь застаивается… в общем, могут быть всякие пакости. Если Лера очнется… нет, КОГДА Лера очнется! Он запрещал себе думать о ней как о мертвой. В общем, когда она очнется, должна получить тело здоровое, функциональное, а не покрытое пролежнями и больное. Кстати сказать, он не знал, что делать с питанием этого тела; она уже больше двух суток ничего не ела, а если кома продолжится и

дальше – как быть тогда? Заливать ей в глотку какой-нибудь бульон? А если она захлебнется?

Ничего не решив, занялся приготовлением ужина. Впрочем, что там особенно готовить – не было никакого желания.

Он пошарил в сумках, нашел копченое мясо, лепешку, пожевал, запивая пивом (спасибо Главе, обнаружил в багаже несколько запечатанных кувшинов), и лег спать, прислушиваясь к тихому дыханию девушки возле себя.

Утром он проснулся от духоты: палатка сильно нагрелась на солнце, и он вспотел. Расстегнув клапан палатки, вылез и пошел к озеру.

Вода была прозрачной и довольно холодной – видимо, тут на дне били родники. Но прикосновение ледяной воды к разгоряченному телу было в высшей степени приятным; оно быстро разогнало утреннюю дрему, и через пять минут он, освеженный, бодрый, готовый к свершениям, выскочил на берег и стал размахивать руками и ногами, теперь уже стараясь согреться.

Солнце поднялось довольно высоко, но, судя по ощущениям, было еще около семи утра – вполне нормальное время для продолжения путешествия. Пока соберется, пока поймает спутанных лошадей и заседлает их, выйдет часов в восемь – это нормально. Куда особенно спешить? Шаргион без него никуда не улетит. Керкары не убегут. И здешняя цивилизация не развалится за лишние часы или даже дни.

Вообще-то ему не больно-то и хотелось заниматься прогрессорством – как рукой сняло, после того как вместо благодарности за помощь он получил ощутимый пинок. Да еще какой пинок! Естественно, что любви к этой цивилизации у него совсем даже не было. Если бы Шаргион мог летать, Слава сию секунду загрузил бы тело Хагры и улетел отсюда куда глаза глядят.

Слава погладил висевший на груди медальон с Лериными волосами и задумался. Пару бутылок с кровью и тканями Леры он положил в переметные сумы, чтобы оставить их в Шаргионе. Остальные бутылки оставил в доме Леры, на всякий случай: вдруг содержимое взятых с собой бутылей испортится или же пропадет в дороге – он не мог рисковать. Ему нужно было добраться до планеты Нитуль или до подобного ей медицинского центра, где выращивались тела. Вот только

одна загвоздка – деньги! Где взять деньги на тело для Леры? Его карточка была заблокирована, значит, нужно искать Наташу, стыковаться с ней и пусть оплачивает тело. Вот только где ее взять, Наташу эту, если сам не знаешь, где находишься? В каком конце Вселенной и даже… в каком времени?! А что, Слава допускал и такие вещи: подпространство – штука странная и до сих пор, как он слышал, не изученная до конца.

Он видел по визору фильм на тему того, что некоторые личности, попавшие в подпространство, внезапно перемещались во времени. Обычно это подавалось в виде вестернов с обычным героизмом главного героя и секс-хеппи-эндом в конце. Но, как он узнал, такие странные штуки вроде как имели место и в реальности. Он не хотел думать, что провалился в прошлое или попал в будущее, но… все могло быть.

Слава очнулся от мыслей, вздохнул и пошел к Хагре. Посмотрел на ее обнаженное тело и решил, что надо бы и ей принять водные процедуры… а то… попахивать начинает. Процессы-то в организме идут, тот же пот выделяется – она была мокрой, как и Слава, перед тем как вылез из палатки.

Он подхватил девушку на руки и потащил к воде. Осторожно положил на поверхность и, придерживая снизу, под голову, правой рукой стал тереть ее кожу, осторожно плеща водой и следя, чтобы не залилось в нос. Кожа была такой гладкой, такой шелковистой, что, если закрыть глаза, можно было представить, что в руках у него Лера. Девушка была теплой, домашней и уютной, как давно знакомый человек… Может, потому, что он представлял внутри ее Леру? Все может быть…

Внезапно Слава заметил, что тело девушки дернулась, как будто по нему прошла судорога. Еще! Еще! Он подхватил Хагру на руки и вынес на берег, положив ее в невысокую мягкую траву. Мышцы сокращались все сильнее и сильнее, так что Хагру начало бить, как будто в припадке. Слава упал на нее всем телом, руками прижал ее плечи, навалившись туловищем на дергающиеся ноги, боясь, что во время судорог она повредит саму себя. Но судороги через какое-то время стихли, и девушка обмякла. Потом она открыла глаза, бессмысленно посмотрела вверх, в стороны… вот только как-то странно – ее глаза смотрели в разные стороны, как у ящерицы, и действовали совершенно независимо друг от друга! Это создавало какое-то дьявольское впечатление – будто перед ним была бесноватая, в которую вселился демон. Девушка попыталась что-то сказать, глядя на Славу, но у нее получались лишь гримасы.

Она корчила рожи, мычала, дергалась, руки поднимались и опускались, потом она попыталась встать, но движущиеся вразнобой руки и ноги подвели, и девушка чуть не грохнулась со всего размаху, если бы не Слава. Он подхватил ее и насильно уложил на траву:

– Лежи и не двигайся! И молчи! Сейчас все будем улаживать! Итак, как я понял из этого представления, вас там двое! Если так, махни рукой!

Хагра махнула обеими руками.

– Ясно. Я предполагаю, что каждая из вас может управлять только одной половиной тела. Каждая из вас находится в своем полушарии мозга. Одна может управлять левой стороной тела, другая правой. Сейчас нужно сделать вот что: Лера, договорись с Хагрой, чтобы та полностью отстранилась от управления телом, отошла в сторону. Хагра, не бойся, тебя никто не тронет: я знаю, что ты делала это не по своей воле. Когда я добуду Лере новое тело, ты будешь свободна. А пока делай то, что тебе говорят.

Девушка замерла на несколько секунд, потом сфокусировала взгляд на Славе и, протянув к нему руки, облегченно сказала:

– Славик, любимый, бедненький, как ты переживал! Дай я тебя обниму!

– Лер, ты? – подозрительно спросил Слава. – Кем я работал на Земле?

Он задал этот вопрос по-русски, и Лера ответила ему по-русски:

– Великим учителем русского языка и литературы!

– Ну, слава богу, ты вернулась. – Слава поднял Леру и прижал ее к себе, чувствуя, как его трясет от волнения. Получилось!

Они постояли немного, обнявшись, потом медленно пошли к палатке. Вернее, Слава пошел – Лера идти не могла, и он ее поддерживал, а она лишь переставляла ноги. Слава посадил ее к дереву, прислонил спиной, она благодарно улыбнулась и вздохнула. Потом, с трудом выговаривая слова, сказала:

– Слав, она ни при чем! Ее зомбировали! Ты уж не ругай ее, пожалуйста!

– Не ругай! Если бы мог, прибил бы ее, лишь бы все предотвратить. Только кто мог подумать… впрочем, я бы мог. Зря согласился на ваши уговоры и выступил на этих чертовых Играх!

– Наверное, зря, – слабо улыбнулась девушка. – Если бы ты знал, как хорошо быть живой! Чувствовать травку, лучи солнца на своей коже… тебя рядом. – Она положила голову Славе на плечо и облегченно вздохнула. Потом добавила: – Слав, мы с Хагрой будем по очереди выходить, ладно? Ты уж прости ее, пожалуйста… да и тело-то ее… хотя бы ради этого не терзай. Нам теперь с ней до-о-олго вместе быть, как я чувствую. Когда еще мы попадем в те места, где можно сделать новое тело? Ведь ты точно озаботился тем, чтобы собрать материал для выращивания нового тела, правда?

– Хм… да нет, бросил его в помойку, и все. Забыл собрать материал.

– Слав, ну, перестань дразнить! – Лера пихнула его рукой и снова прижалась к плечу. – Слав, ты много их поубивал?

– Поубивал. Забудь. Мудрых, что сделали это, теперь нет. А Глава… Глава теперь полностью моя. Она была в подчинении у Мудрых. У нее стоял посыл верности. Я его снял.

– А куда мы сейчас едем? Ты узнал, что хотел, на Ярмарке?

– Узнал… – Слава вздохнул. – Только лучше бы не узнавал. Все эти штуки – мкары и другое – не на территории кланов. Оказывается, тут есть еще одна разумная раса, которую люди оттеснили куда-то в леса. И раса эта – кентавры.

– Что, серьезно? Как в сказках? Полулюди, полукони? – Лера удивленно раскрыла глаза.

– Нет. Как я понял, что-то вроде кентавроидов – руки у них есть и четыре ноги. Они издавна воюют с людьми из-за территорий, но проиграли, ушли куда-то на север, в леса. Люди их время от времени преследуют, те тоже пакостят как могут – в общем, отношения у них примерно такие же, как у керкаров и зеленых.

И самое интересное: похоже, что так же, как зеленые – пришлые на Алусии, так и люди – пришлые здесь. А коренная раса как раз кентавры. Вот такой расклад. Лер, если честно, мне уже плевать на эту планету. Мне очень хочется убраться отсюда. Но я не знаю как. Сейчас мы идем к Шаргиону, там отдыхаем, я попробую опять достучаться до его сознания, а потом… потом будем думать. Если он не проснется, придется идти к кентаврам, искать этот корабль или затерянную базу, с которой они таскают вещички. Тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: кентавры мародерствуют на заброшенной базе. Чьей? Да кто знает. Это уровень цивилизации зеленых, и вещи очень похожи на принадлежащие им. Так что можно предположить… Нет, ничего не стану предполагать – это будет какое-то гадание. Поживем – увидим. Ты лучше расскажи, как чувствуешь себя в новом теле, как у тебя там с Хагрой складываются отношения. Вообще как самочувствие?

– Ну как тебе сказать… Попробуй умереть, потом очнуться в теле своей подруги, недавно зашибленной мужем, – какое у тебя будет самочувствие? Как у раздавленного дерьма. Прости за грубость.

– Хм… это Хагра на тебя дурно влияет, – усмехнулся Слава. – Как она там вообще, солитер этот?

– Ф-у-у… Слав, не надо так говорить! – расстроилась Лера. – Скорее я – солитер в ее теле, а не она во мне! Она говорит тебе, что просит прощения, что никогда бы не причинила мне вреда. Говорит, что умрет за меня, если надо.

– Не надо умирать. Вот сделаем тебе тело – и пусть живет, как хочет. А пока что должна будет делать то, что я скажу.

– Она не против, она будет делать все, что ты прикажешь, и все, что захочешь…

– Многообещающее заявление, – усмехнулся Слава. – Ты вот что – сама-то ехать на коне можешь? Или все-таки носилки?

– Давай попробую сама… И знаешь что, пусть это сделает Хагра, хорошо? У меня нет никакого опыта езды на лошадях. Кроме того, может, тело ей лучше подчинится – все-таки это ее тело. Пусть выйдет, ладно?

– Пусть, – согласился Слава и, отстранив девушку, оставил ее у дерева.

Встав, он пошел собирать лошадей, которые бродили неподалеку. Когда вернулся, немало попотев (одна из этих тварей никак не желала снова нести на себе кого-либо или что-либо и ловко отскакивала от него даже со связанными ногами), палатка уже была убрана, и девушка, хоть и пошатываясь, укладывала снаряжение в мешок. Она исподлобья взглянула на Славу и сказала:

– Прости меня. Я не хотела. Я буду вам с Лерой помогать всем, чем могу. Можете использовать мое тело, как хотите, я буду уходить по первому требованию.

Слава помолчал, потом вздохнул и спокойно сказал:

– Мы вернем тебе тело, как только сможем. Но это будет нескоро, ты должна это понимать. Я рассчитываю на твое знание местных обычаев и на помощь в путешествии. Кстати, ты как себя чувствуешь?

– Лера же сказала… вот так я себя и чувствую. Руки и ноги еле двигаются, трясет всю. Надеюсь, это будет продолжаться недолго. В таком виде боец из меня никудышный.

– Не надо мне ваших с Лерой боевых умений. Ваша с ней задача – сохранить это тело до лучших времен. Без моего приказа никуда не лезть, не соваться, не принимать участия ни в каких конфликтах и драках. Я буду решать все сам. Договорились?

– Договорились… – обреченно вздохнула Хагра и напряженно добавила: – Только вряд ли так просто все будет. Слава, у тебя за спиной, за правым плечом, лучница, и она целится в меня. А слева в кустах сидят еще трое. Я вижу их макушки. Когда мы с тобой разговаривали, они спугнули птиц, и я их заметила. Все-таки я воительница десятого ранга, а не так просто, мимо проходила. И не один раз была в рейдах.

– Сейчас я тебя прикрою… в мужчину они стрелять не будут. – Слава переместился вправо и закрыл Хагру собой. – Как думаешь, кто такие?

– Какая-то небольшая шайка из остатков уничтоженного клана или же ремесленники, решившие подзаработать, – увидели мужчину и с ним только одну женщину, вот и решили отнять тебя у меня. Да кто угодно – мужчина

слишком большая ценность, чтобы пройти мимо. Эй, вы, в кустах! – крикнула она звонким голосом. – Вылезайте! Я вас вижу! Чего вам надо?

Кусты слева зашевелились, и оттуда вылезли три совсем молодые девушки-воительницы. Все три были пятого ранга. Они настороженно подошли к стоящим Хагре и Славе, держа мечи наготове: они видели, что Хагра безоружна, но опасались – все-таки воительница десятого ранга!

Одна из них, девчонка лет четырнадцати, вышла вперед и заносчивым тоном сказала:

– Мы забираем твоего мужчину! У нас в клане почти не осталось мужчин, и теперь он наш! Если ты окажешь сопротивление – умрешь! – Девчушка встала в боевую стойку, направив острие меча на Хагру.

Слава хмыкнул:

– Хм… а никто не хочет спросить: я-то хочу отправиться с вами, паршивки вы эдакие?

Девчушка удивленно заморгала глазами и озадаченно, но надменно, проговорила:

– А чего это я должна у какого-то мужчины спрашивать разрешения? Ты должен подчиняться женщинам. У тебя нет права голоса!

– Как мне надоел этот мир! – сказал Слава, повернулся и быстрыми шагами пошел к лучнице, так и стоящей с луком наготове. Та ошеломленно посмотрела на мужчину, идущего на нее широкими шагами, натянула лук, но стрелять не решилась: убийство мужчины – табу! Как можно?!

Слава подошел к ней, вырвал лук, мгновенно ухватил за портупею и одним рывком, как будто прочные кожаные ремни были не ремнями, а гнилыми нитками, сорвал с нее меч и, не обращая внимания на реакцию упавшей от рывка девушки, вернулся к трем супостаткам. Те стояли разинув рот, а когда он подошел к ним, попятились под радостно-ехидный смех Хагры, стоящей возле дерева.

Через минуту все мечи были отобраны, а девушки, лишенные портупей, килтов и иллюзий, заброшены на середину озерка, под собственный истошный визг. Они хлопнулись на поверхность воды, как гигантские лягухи, и прохладная гладь поглотила неудачливых воительниц, чтобы потом выплюнуть в куче брызг и фонтане ругательств.

Несмотря на свой юный возраст, воительницы ругались очень умело и разносторонне, описывая половую жизнь Славы и Хагры, вкрапляя туда описания их оргий с лошадьми и ругарами.

Слава повернулся к ним и помахал своим здоровенным кулаком, отчего ругательства перешли в шипение и туманные угрозы, а воительницы, взбивая воду руками и ногами, понеслись вплавь к противоположному краю озера.

Хагра отсмеялась, потом предложила:

– Давай-ка отсюда смываться! Как бы большой отряд не навели – придется уже всерьез с ними разбираться, а я еще не готова. Я пока побуду, ладно? Пусть Лера отдохнет. А вечером она выйдет, и вы с ней… В общем, я пока за нее тут поработаю. Не против?

– Не против. Седлаем и поехали. Честно говоря, мне не хочется никого убивать. А ведь придется, если они явятся сюда толпой. Как думаешь, погоню не устроят?

– Все может быть. Может, это просто отряд малолетних охотниц – приехали на Ярмарку с кланом и решили поохотиться в прерии, наткнулись на нас и захотели попытать счастья. А может, разведчицы клана. Вернутся, расскажут – могут после этого и погоню за нами послать. Гадать можно много – уезжать надо. Все я собрала, давай сейчас я взнуздаю лошадей, седла пристрою, а ты сумки нацепишь – я пока не в состоянии это сделать.

Собирались они недолго, минут десять – пятнадцать, и караван уже потянулся от озерка, по звериным тропам.

Слава держал примерное направление на север, зная, что никак не проскочит тот огромный обрыв, внизу которого лежало озеро, в котором утонул Шаргион. Трудности должны начаться, когда они подъедут к обрыву: надо будет найти место, где спуститься. А впрочем, зачем спускаться, решил Слава, лошадей

спокойно можно оставить и на попечении керкаров, а дойти до Шаргиона самому. Ведь пещеры керкаров располагались на сухом плато, наверху, а не в низине.

Лошади ходко шли по тропам, отдохнув за ночь. Груз на них, конечно, приличный, но это были вполне сильные и крупные экземпляры местного кролико-коневодства, так что кони несли стокилограммового Славу и его спутницу довольно весело, похрапывая и семеня ногами. До пещер керкаров им предстояло сделать еще одну ночевку, потом полдня пути, и они «дома». А там им уже никто не страшен. Керкары порвут всех, кто их попытается тронуть.

Слава задумался: а если придется все-таки отправиться в путешествие к кентаврам? Может, взять с собой керкаров? Ну штук пять… или десять. Ведь не помешают, ох как не помешают! Обученные, сильные, умные многоножки были бы идеальными спутниками – ночью они не спят, выносливость у них невероятная. Почему бы и нет? Да, это стоило того.

Всю дорогу они с Хагрой оглядывались назад, ожидая погони, но ее не было. Впрочем, может, еще было и рано? Пока эти голые засранки – он не оставил им ни одежды, ни оружия – доберутся до своих, пока там решат, что делать, сколько пройдет времени? Да что толку рассуждать, все равно ничего не изменить, надо просто ехать.

Выезжая, Слава сделал этакий финт: он поехал под девяносто градусов к нужному направлению, чтобы девчонки, совершенно точно за ними наблюдающие, решили, что они возвращаются к тракту. Когда отъехали подальше и те уже не могли видеть, Слава вновь повернул коней туда, куда нужно.

Когда прошло часа два, Слава предложил сделать привал, чтобы покормить Хагру, но она отказалась – сказала, что ей не хочется ни есть, ни пить. Славу это обеспокоило, но потом он пришел к выводу, что просто организм девушки как будто застыл, не до конца срастившись со своим телом: Хагра ведь тоже некоторое время была как бы оторвана от управления телом, и процессы в организме замерли.

Немного подумав, Слава решил, что это нехорошо, остановился и заставил Хагру спешиться и поесть. Под его надзором она с выражением отвращения на лице,

давясь, сжевала кусок мяса и запила его водой. Только тогда он успокоился и приказал двигаться дальше. Через некоторое время – прошло минут сорок – Хагра с извиняющейся улыбкой попросилась в кустики, сказав, что у нее прихватило живот. Слава облегченно вздохнул: похоже, работа кишечника нормализовывалась. Ее не было минут двадцать, потом Хагра пришла, пошатываясь и вытирая пот со лба. На вопрос, какого хрена она там так долго трудилась, девушка, покраснев, угрюмо буркнула, что, если бы он столько времени был без сознания, у него и не так бы все спеклось!

Слава посмеялся про себя, и они поехали дальше.

На следующий ночлег остановились пораньше – Хагра уже опасно шаталась на лошади, того и гляди свалится, все-таки была еще довольно слаба. Так что остановка была совершенно необходима. Выбрав место у очередного ручья, Слава разгрузил лошадей и стал устраивать стоянку. Хагра, несмотря на слабость, пошла к ручью и стала плескаться в затончике, смывая с себя дорожную пыль. Придя, она сказала:

– Я ухожу. Теперь очередь Леры. Ты это… порадуй ее ночью, ладно? Я не буду подглядывать! – Девушка широко улыбнулась и полезла в палатку.

Глава 4

Лера словно сидела в темной комнате – тишина, темнота, ничего не видно. Нет времени, нет ощущений. Время от времени с ней разговаривала Хагра – казалось, будто ее голос раздается в пространстве, независимо ни от чего. Вообще-то это было тяжко – зависнуть в небытии, после того как вела яркую, насыщенную жизнь. Потом начали прорываться образы: складывалось впечатление, что общая плоть – Хагры и Леры – впитывала их души и тогда уже начинала передавать информацию свою – от глаз, от ушей, от носа….

Каждая из девушек владела одним из полушарий мозга. То есть Лера могла управлять левой стороной тела, а Хагра правой – если бы они захотели поделить тело в своем безумном порыве. Но безумцами они не были и потому делили тело нормально, по очереди, получая его каждая в свой час. Вот и в этот вечер Хагра спокойно ушла на отдых, оставив Лере тело, измученное длинным

путешествием. Лера, соединившись с телом, чуть не взвыла от боли в бедрах, набитых жестким седлом, от усталости в теле, не до конца еще владевшем всеми своими мышцами, от… ну, это уже слишком интимные подробности последствий длительного застоя кишечника. Так что Хагра спокойно удалилась в небытие, оставив Леру у своего разбитого коры… хм… девичьего тела.

Лера, постанывая и тихо ругаясь, выползла из палатки, куда перед этим забралась Хагра, наплевавшая на гигиену, лишь бы скорее завалиться в постель, и, с трудом встав на ноги, как больная черепаха двинулась к ручью, где уже плескался Слава.

Он с улыбкой посмотрел на приближение несчастного тела, подошел и, стянув с девушки килт, поднял ее на руки:

– Как я понимаю, это у нас любимая жена крадется к водопою? Ну-ка, продолжи: у лукоморья дуб…

– Хреновый твой дуб! – хихикнула Лера. – Достаточно на русском было спросить – Хагра все равно его не знает. Помоги мне помыться, а? У тебя мыло есть? Есть, ага, отлично! Аккуратнее! Иии! Холодная! Какого черта она такая холодная, когда в такой жаре течет?! Да чтоб они провалились, эти родники! Намыль мне спину – я не дотянусь. Ох, как хорошо… а это уже и не спина!

– Так и это не рука…

– Слав, давай до палатки, а? Кстати, нет ощущения, что ты с Хагрой? Нет? Вввжу-у-у… нет… ох, как сладко… вот ты… ох, ох, не останавливайся! Ну мерзавец, какая палатка! Ну – палатка, только скорее, тащи, тащи, ну! Ох, дай я!

– Ты же устала!

– Не настолько же… ох, добралась до тебя… наконец-то! Как сладко… Хагра, не лезь! Не твой муж…

Потом они лежали, слушая, как ночной дождик барабанит по натянутой крыше палатки. Под одеялом было тепло, уютно и так хорошо, что не хотелось никуда ехать, никуда стремиться – так бы лежать и лежать, лежать и лежать… ну,

иногда привставать, конечно… поудобнее. А потом опять лежать. Тело гудело от дневной усталости, от любовных ласк, низ живота приятно ныл при воспоминании о сладости любви, а тяжелая рука Славы обнимала за плечи – что может быть лучше этого? Не это ли счастье, когда рядом с тобой любимый человек? И есть крыша над головой, теплое одеяло и кусок хлеба.

Лера лежала и думала о том, как хрупко счастье, кажущееся таким незыблемым, таким несокрушимым, и как нужно ценить каждую его минутку, ведь оно может оборваться в любую секунду.

Она приподнялась, наклонилась к Славиному лицу и нежно поцеловала его в губы. Он вздрогнул, открыл глаза и рассмеялся:

– Опять?! Я, конечно, сексуальный гигант, Слава-производитель, как ты выразилась, но и мне надо немного отдохнуть! Вот посплю и еще… произведу! У тебя самой-то уже там не болит?

– Болит! Только пусть Хагра завтра терпит – она мне оставила отбитый зад, а я ей… – Лера расхохоталась и счастливо сказала: – Не могу никак насытиться тобой. Кажется, что ты сейчас исчезнешь, как будто мираж! Или я исчезну…

– Не исчезнешь, – пробормотал Слава, отворачиваясь к стенке, – если только не будешь мешать спать. А то прогоню тебя на дождик, если будешь меня пихать! – Он тихонько захрапел, а Лера закрыла глаза и тоже стала погружаться в сон.

Неожиданно к ней обратилась Хагра:

– Лер, я тоже хочу! Ну чего тебе стоит, а? Он же все равно не знает, кто из нас в этот самый момент в теле! Ну хоть разок! Ты сегодня с ним пять раз кончила, я считала, нельзя, что ли, чтобы хоть разок и я испытала удовольствие?

– Я что, буду его обманывать? Ну как ты себе это представляешь? Он почувствует что-то не то, ты поведешь себя во время секса как-то не так, он сразу почувствует – он же меня как облупленную знает! А потом все время будет подозревать, что мы его надуваем!

– Лерчик, ну чего тебе стоит, а? У меня одни гадости в жизни, я такая несчастная, такая брошенная всеми сирота! Я лишена всех радостей, всего счастья, что доступно другим! Ведь у меня нет ничего – даже своего тела, чтобы получить маленькие радости жизни! Ведь ты же знаешь, что я не по своей воле убила тебя, меня заставили, околдовали эти негодяйки, я бы жизнь отдала, но не пошла бы против тебя и тех, кто тебе дорог! Ты меня наказываешь за то, что я не совершала! И ведь ты не позволишь мне пойти к чужим мужчинам, да? Скажешь, что это будет измена твоему Славе? Так почему хоть разок, иногда, когда он не знает, мне не побыть в своем теле и не насладиться сексом с ним? Лер, это несправедливо!

– Выглядит логично, только почему я чую, что ты меня как-то разводишь, а? Хагра, ты маленькая, хитрая негодяйка, пользуешься моей дружбой! Ладно. Как-нибудь, когда Слава будет со мной, я позволю тебе войти в тело. Но только не часто! Согласна?

– Спасибо, моя любимая! Ты настоящая подруга, лучшая в мире, самая, самая…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/evgeniy-schepetnov/slava-vozrozhdenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити